

Сабирова Адэля

Кастрюля. Дорога познания

Адэля Сабирова

Кастрюля. Дорога познания

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71294410

SelfPub; 2024

Аннотация

Фантастический роман «Кастрюля. Дорога познания» с первых минут увлекает читателя в череду удивительных событий. Главная героиня романа – девушка со странным именем Кастрюля – убегает от преследователей – дешевых наемников – и попадает в самые невероятные ситуации. На этот раз она поймана, ее ждет казнь... Воровка с поразительно чистой душой – это не укладывается в привычные рамки. Но весь роман соткан из противоречий. Он не просто демонстрирует нам будущее, которое кажется страшным сном, а является сатирой и на мир настоящий. Вместе со своими верными друзьями – Вертилой, Совой и Ранникой – Кастрюля проходит через самые разные испытания и открывает все новые стороны этого мира, который очень изменился после загадочного Эпизода «Упс».

Друзья отправляются на поиски Мистера Черный Крафт и Города-22 с надеждой, что мир все еще можно изменить и это им по силам. Но кто этот человек, на которого они так уповают? И существует ли этот город? Удастся ли героям осуществить задуманное?

Содержание

Дешевые наемники	5
Кастрюля	11
Находка	17
Сэдрик Ванядурак	27
Снег	33
Вертила	40
Поймана	46
Приговор	55
Казнь	60
Грибокамни	69
Пленник	77
Мистер Черный Крафт	93
Сборы	99
Начало пути	105
Тля	117
Зияющая пустота	126
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Адэля Саби́рова

Кастрыюля. Дорога познания

Перевод Адэля Саби́рова, текст – 2352 г.

Издание, макет, оформлениe. Межвневeдомствeнная не публицистика, 2401 г.

Эта история произошла давно, так давно, что многие уже и не знают, правдиво ли хоть слово из тех отрывков, что передаются до наших пор из уст в уста. Я прошла многие километры, побывала в тех местах, где раньше проходили, останавливались либо пробегали Герои. Я общалась, изучала, раскапывала и добывала сведения, иногда легко, часто с боем, редко с криками и истериками. И хоть я не историк, позвольте поведать то, что удалось узнать мне.

Признаюсь, изредка я приукрашивала, кое-где додумывала, а местами и вовсе фантазировала, но все остальное – только факты. Факты скрупулезно собранные, скомплектованные и поведенные вам.

Ну а что? Разве история пишется не так?

Дешевые наемники

Девушка бежала по путаным подземным переходам, по-скальзываясь на поворотах, смутно определяющихся красными маячками. Дрожь земли под ногами оповещала, что погоня не прекратилась. Ноги девушки уверенно вели ее дальше, даже не задумываясь, она выбирала путь, по которому скрывалась не один раз от преследования. Тот, кто жил в Нижнем городе, прекрасным образом в нем ориентировался.

Вжавшись в стену очередного прохода, девушка слушала землю. Преследователи не отставали. Несколько поворотов, ответвлений и тупиков лабиринта их не сбивали.

– Дешевые наемники, – хмыкнула девушка, утирая пот с лица. Дыхание не успело выровняться – она снова сорвалась с места.

Нижний город разрастался с каждым годом, да что уж там, с каждым месяцем, а то и днем. Под солнцем места не находилось многим. Но многие и не стремились туда. Подземная жизнь была укромнее, удаленнее от взглядов гвардейцев, людей, а может, совести. Подземная жизнь ничего не требовала, но ничего и не давала, вполне подходя всем, кто обосновывался под землей.

Девушка уносилась все глубже в туннели, которые сужались, а разветвлений и поворотов становилось все меньше. Она была уже далеко от центральных ярусов Нижнего горо-

да. Она уходила из-под защиты колотушек. В этих туннелях жил только спертый смрад, говорящий о том, что даже на вытяжки здесь не хватало места или средств, или все же желания жителей. Да и нор здесь уже не встречалось. Люди стонали, храпели или безмолвно смотрели невидящим взглядом, развалившись на земле, прижавшись к стенам.

Это самый нищий район. Хотя весь Нижний город считался нищим, но в каждой классификации можно найти свою классификацию, в каждом строе можно отыскать свой подстрой. А в каждой жизни можно найти жизнь более ничтожную.

Раньше это волновало, раньше девушка готова была и помочь запутавшимся людям: обработать раны, принести скудную еду. Но это осталось далеко позади. Теперь она перепрыгивала через них, словно через пружинохвосток, которых в этих ответвлениях становилось куда больше.

– Попалась, – чья-то рука схватила за капюшон, зацепив и волосы.

– Отпусти, – взвыла девушка, впиваясь ногтями в руку захватчика.

Ногти с хлопком прорвали кожу, погружаясь в теплую клейкую жижу. Смрад подземелья окрасился новой вонью. Преследователь взвыл, вбивая девушку лбом в сырую земляную стену. Но она, не сдаваясь, продолжала раздирать руку, похожую на желе.

– Придурочная, – преследователь отшвырнул девушку,

высвобождая свою руку.

– Мэн, Мэн, не отпускай, – прошипел запыхавшийся голос. – Улизнет.

Девушка со стоном встала на четвереньки, взглянула исподлобья на преследователей. Как она и думала, дешевые наемники. Один огромный, рыхлый, голова складками прыщей переходила сразу в плечи, стекая оттуда серыми волнами кожи. Похожий больше на слизня, чем на человека, преследователь осматривал свою руку, с которой сочилась слизь.

– Мэн, у нее глаза, – прошипел второй. Маленький, угловатый, покрытый рытвинами.

– У всех глаза, – рявкнул Мэн.

– У этой светятся, – неуверенно прошипел напарник.

– Дешевые, – усмехнулась девушка, – вы что же, даже не потрудились прочесть обо мне?

– Мы не читаем, мы – убиваем, – рявкнул Мэн, встряхивая поврежденной рукой. Слизь с громкими шлепками приземлилась неподалеку от девушки.

– Будьте аккуратнее, наш Город – оплот чистоты этого мира, – не удержалась девушка, поднимаясь на ноги. – Каждый житель должен соблюдать чистоту и непревзойденность природы во славу Градостроителей и их Души, – громко бравировала девушка, с усмешкой произнося засевшие в голове слова.

– Закройся, – вежливо попросил шептунец.

– Города – оплот человечности в новые времена. Друже-

любность и взаимопомощь определяет жителей Городов, – не унималась девушка, отступая от приближающихся наемников.

– Не уйдешь, – начал что-то понимать Мэн.

Девушка скривилась. Уйти она и не планировала, скорее мечтала. Но сбежать от дешевых наемников, казалось, сложнее, чем от сотни гвардейцев. Несмотря на свою цену и внешний, непрезентабельный вид, эти недолюди были самыми опытными в поимке кого-либо в Нижнем городе. Они знали все ходы и переходы, даже тайные, даже укромные. Слепота снаружи делала их самыми зрячими в темноте подземелий. Прожигая жизнь, меняясь под действиями «модификаторов»¹, они изучали туннели, их жителей, а также доски с изображением лиц, красовавшихся под заголовком: «разыскиваются».

От дешевых наемников с легкостью можно было уйти снаружи, сверху, но вот внизу... Внизу шансы стремились к нулю. Для девушки этот ноль был как никогда близок.

Над Мэном маячила тонкая нить, практически невидимая в темноте туннеля. К ней девушка и стремилась. Сплетенная из плотной паутины дарвиновского паука тончайшая нить выдерживала вес крупного человека, вызволяя его на

¹ Модификаторы в то время были недоступны, неизвестны и не очень модифицировали, скорее, наоборот. Но дешевые наемники шли на все, чтобы вырасти в цене. Цена на них не росла, а внешний вид менялся всегда. Стараясь скрыть неудачу модификации, они с легкостью придумывали себе суперспособности, тем самым рекламируя другим те самые модификаторы.

поверхность. Сквозь несколько метров почвы, мимо разрозненных слоев туннелей, норок и захудалых баров. Нить, по которой девушка неоднократно спасалась от наемников, выходя на поверхность, теряясь среди плотно наставленных беспорядочным хаосом домов.

– Не уйдешь, – усмехнулся Мэн, не глядя находя нить над своей головой. – Думаешь, я не знал, куда ты направлялась?

– Думаешь, он не знал? – второй даже смеялся шипением, настолько противным, что девушку передернуло.

– Я прекрасно знаю, кто ты, – Мэн обнажил гнилые зубы, наступая.

– Он прекрасно знает, – не отставал от него шептунец. – За тебя самая лучшая награда.

Девушка пятилась от наемников, в голове мелькали мысли, ища выхода, но ни одна из мыслей не цеплялась. Выхода не осталось. Позади короткий узкий туннель, заканчивающийся тупиком. Единственный выход, о котором, казалось, никто не знал, остался за спинами наемников.

– Вам и за мою голову не заплатят, – стараясь отдалить неизбежное, широко улыбнулась девушка.

– Тебе-то откуда знать?

– Да, тебе-то откуда знать? За такую цену столько модификаторов можно купить, ты бы знала. Вон, Мэну нужно, чтобы он не разлагался.

– Я не разлагаюсь, – рывкнул Мэн, на секунду отводя взгляд от девушки.

Это должно было бы помочь, если бы у девушки были хоть какие-то идеи по спасению. Но единственное, что произошло: девушка оступилась на ровном месте и рухнула на землю, до темноты в глазах расшибая копчик.

– Он не разлагается, – удивленно прошипел наемник, принимая падение девушки на свой счет.

– Она просто сдается, этот будет легче простого, – расхотался Мэн, вынимая из ножен ржавую тупую саблю.

– Да, это будет легче, чем все предыдущие добычи. Держи, Мэн, – шептунец подал Мэну отвалившийся от рукояти клинок. – Только где она, Мэн?

Наемники огляделись. Впереди темнел тупиком последний туннель. Вокруг непроходимая толща земли. Лишь где-то поодаль наверху оставалась дыра, из которой неподвижно свисала серебристая нить. Девушки не было. Девушкой больше не пахло. Свет ее глаз больше не ранил чувствительную сетчатку наемников, из-за чего они хуже видели. Теперь же все было предельно ясно видно. Видно, что девушка улизнула.

Кастрюля

Массивные настенные часы мигали зеленым светом, разбавляли вечерние сумерки и оповещали, что солнце уже покинуло небосклон и еще нескоро вернется. В широкое окно, забранное прочными прозрачными перепонками, с улицы внизу вторгался неоновый пересвет с рекламных баннеров и многочисленных зазывающих вывесок питейных и игровых залов.

Келл обвел взглядом базу и вновь уткнулся в телефон, прокручивая засекреченные данные Совета Объединенных Городов. Телефоны в Городе оставались запрещенной техникой. Приборы прошлого, в которых можно спрятать информацию, с момента становления Пятой Эры, после всеобщего хаоса, в котором технологии оказались частично утрачены, могли иметь только высшие чины.

Келл постарался и нанял Сову – одного из лучших взломщиков и воров, на которого хватило сбережений. Все прошло успешно, несмотря на высокий риск оказаться обманутым. Келл получил желанный телефон вчера вечером. Всю ночь и последующий день он разбирался с техникой прошлого, и наконец-то это у него получилось. Телефон сдался под терпеливым напором и раскрыл свои секреты. Теперь, листая байты информации, Келл думал, как можно использовать обнаруженное, чтобы пошатнуть режим тирании, дер-

жащийся уже полвека, и как взбодрить этим свою команду.

В последнее время на базе ничего не происходило. Они продолжали встречаться по инерции, не проворачивали никаких дел, не планировали переворотов и революций. После последней неудачи все пали духом и притихли. «Чванк»² эхом проносился в их душах. Они продолжали приходить на базу, расположенную в завалах музея прошлого, лишь для того, чтобы позависать, позакидываться алкогольными капсулами и поиграть в игры-погружения, изредка заводя разговоры о герое-коммунисте Сэдрике Ванядурак, что недавно окончательно скрылся из вида.

Десять парней и три девчонки, все еще молодые, с пылающими сердцами и неподавленными системой взглядами. Они действовали по наводкам и приказам Сэдрика Ванядурак, теряясь в его тени, оставаясь незамеченными мелкими рыбешками. Но то, что произошло тогда...

– Встречайте, – в комнату ввалился Толстый, шуточно поклонился и провел рукой, приглашая гостя.

Все встрепенулись, что-то новенькое. Можно развлечься. В комнату, запнувшись о порог и чуть не упав на Толстого, вошла девушка. Растрепанные серые волосы, на которых играли бликами отражения неоновых вывесок, свидетельствовали, что она выросла в Нижнем городе. По-детски невинное

² «Чванк» – звук, с которым рушатся все надежды на выживание, звук, который морозит спинной мозг и отключает головной. Звук, в конце концов, который издает монстр, что не поддается описанию в наши времена, несмотря на то, что эти мутанты давно убралась в недра земли, где и уснули.

лицо с блестящими яркими глазами, в которых как в зеркале можно увидеть свое отражение. На левой щеке перебитый не один раз идентификационный код, каждый раз сообщающий о новой личности. Никто уже и не помнил ее настоящего имени. А возможно, никто его никогда и не знал.

– Привет, – она неуверенно обвела взглядом компанию, которая тарасилась на нее. – Я Кастрюля.

– Кастрюля? Да нет. Что за смех? – понеслось с разных мест. Все оценивали невысокую девчонку, смущенно застывшую в дверях.

– Чем докажешь? – спросил Келл, пряча телефон в карман штанов. Он поднялся с мягкого пуфика и подошел ближе к незнакомке, изучая ее насмешливым взглядом.

– Ничем, – пожала она плечами, делая шаг назад и наступая на ногу Толстому, от чего тот громко взвыл.

Извинившись, Кастрюля дернулась в сторону и впечаталась плечом в дверной косяк. Ребята в голос рассмеялись. Поморщившись, она наконец-то остановилась и, подняв глаза, гордо уставилась на Келла.

– Это правда она, – постанывая, произнес Толстый. – Я ее давно знаю.

– Давно? – удивился Келл. – Что-то ты раньше скрывал свои знакомства.

– Ну не так давно, – переступил с ноги на ногу Толстый. – Она упала на меня в нашем тайном туннеле. Прямо из ниоткуда. Так только она может, – шепотом заверил парень.

– Упала на голову, – усмехнулся Келл. – Кастрюля.

– Кастрюля, – уверенно кивнула девушка, вспоминая, как и впрямь упала на что-то мягкое, отползая от удушающе пахнущего дешевого наемника. Слабое место в полу подземелья пригодились как никогда кстати.

– О Кастрюле ходят легенды, – скептически хмыкнул Келл, отворачиваясь. – А это недоразумение какое-то.

Кастрюля и правда гремела на всю округу. О ней не были слышаны, наверное, лишь только младенцы. Остальные знали и боялись. Она была воплощением Робин Гуда³ и Джека Воробья⁴ в одном флаконе – взболтать, но не смешивать – этого века.

Кастрюля – вор-наемник. Ее нанимали ограбить совершенно закрытые, прославленные своей охраной места, и она это делала превосходно. Правда, порой она грабила и тех, кто ее нанимал. Не порой. Почти всегда. Но и это она проворачивала великолепно, так, что никто не мог доказать, что эти кражи дело ее рук⁵.

Кастрюля была тиха, незаметна и очень ловка⁶. Поговари-

³ Робин Гуд – парень из прошлых времен, известный тем, что помогал бедным, воруя у богатых.

⁴ Джек Воробей – тоже парень из прошлого, промышлял разбойничеством и весельем, не отличаясь добрыми намерениями по отношению к нищим.

⁵ Хотя могли, что уж мы, не врать же сюда пришли. Есть у нее особенность, по которой всегда понятно, что это именно она была на месте преступления.

⁶ Опять же, все это только слухи. Но кто мы такие, чтобы их развеивать?

вали, что она прошла обучение у черных ниндзя⁷ прошлого. Шептались, что она придумала сыворотку невидимости и поэтому у нее получается абсолютно все. Сплетничали, что она особый киберагент, получивший секретную прививку из выжимки личинки муравьиного льва, но вышедший из-под контроля СОГа. А кто-то говорил, что это и вовсе фейк, – Кастрюли никогда не существовало.

Однако властолюбцы и сами правители совместно с богатеями Города ее упорно искали, предлагая наемникам-убийцам все большую плату за ее голову. Наемники зачастую возвращались к своим нанимателям. Правда, по частям.

Кастрюля стала шайтаном⁸, которым пугают современных детишек. Она же была и лучом справедливого света, который оставляет внушительные подарки в домах бедняков.

И уж точно эта девчонка, полтора метра в кепке, что неустойчиво стояла на ровной поверхности и заливалась краской от смущения, не могла быть той самой Кастрюлей.

– Хорошо, – ответила девушка, глядя исподобья на компанию ребят. – Я пойду?

– Иди, розыгрыш не удался, – кивнул Келл, возвращаясь на свой излюбленный пуфик. – Толстый проследи, чтобы она забыла сюда дорогу.

– Но Келл, послушай, это правда она, – затараторил Толстый. – Если она сейчас уйдет, мы же... мы же...

⁷ Ниндзя – никто не знает, что они делали, этим и прославились.

⁸ Шайтан – нечто иррациональное, что зачем-то пугало людей прошлого.

– Заглохни, Толстый. Настоящая Кастрюля не стала бы работать на нас. Тем более падать...

Келл нырнул ладонью в карман. Карман оказался пуст. Не веря своим ощущениям, Келл вывернул его. На пол с глухим стуком выпала пара давно забытых алкогольных капсул, а вслед за ними прошуршали обрывки непонятно откуда взявшихся пленок. Непонимающе он поднял взгляд на дверной проем, где пару секунд назад тряслась странная девушка. Но там топтался только Толстый, хлопая глазами и оглядываясь.

– Дефективные Градостроители! Кастрюля! – взревел Келл, подрываясь с места и бросаясь в погоню.

Находка

– Получилось? – распахнул дверь Вертила.

– Еще бы не получилось, – буркнул Сова за спиной парня. – Давай.

Сова протянул руку, в которую в ту же секунду легла тонкая пластиковая коробочка. Сова довольно хмыкнул и быстро удалился в темный угол, завешенный полупрозрачной с прожилками пленкой.

Кастрюля прошла в небольшую комнату, которую в последнее время привыкла считать своим домом. Комната встретила тяжелым воздухом, пустыми стенами и набитыми мхом лежанками. Обстановка никогда не менялась, лишь только углы упорно покрывались слоем пыли, что становилось толще с каждым днем.

В этой коморке вчетвером они жили уже несколько лет, задевали друг друга локтями, спотыкались о вещи, которые не имели своего места. Они ссорились и мирились, снова ссорились. В основном с Совой – парнем-индивидуалистом, интровертом, человеконенавистником и, в принципе, ненавистником всего и всех, кроме разве что себя, по совместительству владельца этой самой квартирки.

– Они поняли, кто ты? – спросил Вертила, следуя за добытчиком по пятам.

– Я представилась, – тихо ответила Кастрюля, аккуратно

поправляя тонкое одеяло на спящей девочке. Та снова взяла с собой в постель металлическую пластину и теперь спала с ней в обнимку, сладко улыбаясь.

– Вот у них глаза-то были, наверное, – восхищенно произнес Вертила.

– Как всегда, не поверили, – пожалала она плечами, открывая холодильную камеру и осматривая пустоту, словно под взглядом на этом месте что-то может появиться.

– Сколько можно говорить – не представляйся! – из-за пленки вылезла лохматая голова Сова. – Сначала убьют, а потом будут разбираться, кого убили. Или вообще не будут. Им за любую Кастрюлю заплатят.

– За любую не заплатят, – встал на защиту Вертила. – Только за нашу.

– А они ее как будто в лицо знают, – буркнул Сова. – Вон, каждый месяц по Кастрюле ловят.

– Ну и что? – не сдавался Вертила. – Ни разу ж нашу не убили.

– Так потому что понимают, что если Кастрюля не сбежала до казни, то вовсе она и не Кастрюля.

– Прекратите, – остановила их Кастрюля, продолжая обшаривать все закутки в поисках чего-нибудь съестного. – Нашел?

– Мне нужно время. Технологии прошлого слишком запутанные, – ответил Сова, погружаясь в коммуникатор.

Несмотря на то, что коммуникаторы стали распростра-

ненной вещью и их устанавливали всем практически с рождения, тогда же когда чипировали или набивали идентификационный код, из их компании только у Сова имелся работающий коммуникатор. Вертиле вырвали тонкую металлическую пластинку над ухом в одном из боев. Кастрюля выкупила свой на Нижнем рынке, контакты подключения к мозгу не работали, но отсутствие пластины привлекало нежелательное внимание.

Кастрюля нашла пожеванный пресный белковый батончик и села на пол, прижавшись спиной к холодной стене. Сова, как обычно, что-то бормотал себе под нос. Вертила мерил шагами комнату, разминая кулаки. Это была не оплачиваемая работа, а то, что было необходимо именно Кастрюле, то, к чему она так долго шла, то, что так долго искала. И она была рада, что парни решили ей помочь.

– Готово, – подал голос Сова, когда батончик был уже доеден, Вертила уснул, а Кастрюля отсидела ноги.

Стараясь как можно тише подняться, Кастрюля сделала пару шагов на онемевших ногах, запуталась в пленке и рухнула на Сову, погребая его под собой.

– Ты снова порвала мои стены, – взвыл он, спихивая с себя кокон.

– Тсс, – шикнула Кастрюля, проверяя не разбудили ли они девочку. Но та спала, все так же обнимая железяку. Вертила тихо всхрапнул и перевернулся на бок.

– Это мое личное пространство, – продолжил шепотом

Сова, распутывая Кастрюлю. – Единственное, о чем я просил, – не рвать пленку. И какой раз? – он развернул остатки. – Ну вот, опять новую заказывать. Пятая за месяц!

– Я закажу, – виновато опустила глаза Кастрюля, поднимаясь на ноги.

– Не надо! Просто будь аккуратнее. Ты делала упражнения?

– Они мне не помогают.

– Конечно, – всплеснул руками Сова, – если их не делать.

– Я делала!

– Один раз?

– Два.

– Ну что еще говорить? Вот увидишь, когда-нибудь из-за этого ты окажешься в тюрьме. Или в могиле.

– Восемнадцать лет как-то справлялась, – фыркнула Кастрюля. – Хватит уже, подумаешь – пленку порвала...

– Подумаешь – пленку? – снова разошелся Сова. – Она из настоящих комариных крыльев! Ты вообще понимаешь какая это редкость? Чтобы поймать одного комара необходимо несколько ночей и множество приманок. Чтобы убить одного комара, нужна сплоченная работа десятка работников, рискующих своей жизнью. Чтобы отделить крылья от туши, необходима тяжелая техника, постоянно выходящая из строя, а, чтобы...

– Ладно-ладно, – попробовала остановить Сову Кастрюля. – Я понимаю, как это дорого и...

– Подумаешь – я пытаюсь работать, – не останавливался парень. – Я тут вообще-то единственный, кто орудует умом, и мне необходимо личное пространство, тишина, спокойствие и отсутствие вас мельтешащих!

– Ну прости! Прости, – подняла руки Кастрюля. – Я же не специально.

– Не специально. Все у тебя случайно, – буркнул Сова, пытаясь развесить лохматы, огораживающие его угол. Кастрюля хотела помочь, но ее бесцеремонно отодвинули к стене.

– Так ты нашел?

– Что-то нашел. И вообще, может, этот недоразвитый Келл что-то удалил. Почему мы вообще отдали ему телефон?

– Мы выполнили заказ, – пожалала плечами Кастрюля, усаживаясь на тонкую лежанку Совы. – Мы должны быть ответственными.

– Смысл? Могли бы тогда сначала свое проверить, потом уже отдавать. Мало ли, что он тут натворил.

– У нас времени не оставалось, мы это уже обсуждали.

– Я, наверное, никогда не пойму твоей логики, – пробурчал Сова, присаживаясь рядом с Кастрюлей.

– Я просто пытаюсь жить правильно.

– Ты слышала вообще, что о тебе говорят? – фыркнул Сова.

– Я не знаю почему, – призналась Кастрюля. – Келлу был нужен телефон – мы его ему отдали, а то, что там может быть информация, нужная мне, я поняла поздно.

– И чтобы никого не обижать, ты дала время Келлу найти в телефоне, что нужно ему?

– Да.

– А если он не разобрался, как им пользоваться?

– Ну ты же сам сказал, что он там что-то натворил, – Кастрюля постучала ногтями по сенсору телефона.

– Это не одно и то же, – вздохнул Сова, словно объясняя глупому ребенку, почему над Верхним Городом натягута подметаллическая сеть.

– Я не подумала, – округлила глаза Кастрюля. – Тогда мы его вернем потом...

– Не будем мы ничего возвращать, – перебил Сова.

– Но...

– Никаких но. Ты не знаешь, для чего он захочет это использовать, – Сова потряс перед лицом Кастрюли телефоном. – Не у всех такие же принципы, как у тебя. Пойми же это.

– Да, но... – снова попыталась Кастрюля.

– Вспомни, полгода назад они взорвали колотушку. Сколько людей погибло? А когда сооружали новую, ты забыла чванка? Почему-то ты ринулась спасать жителей Города, а Келл со своей бандой запрятались.

– Это могло быть случайностью, – поникла Кастрюля, вспоминая, как чванк пробил подметаллические баррикады и, не разбирая ничего на своем пути, ринулся на них.

Тогда в Нижнем Городе, у прорыва собрались все. Это бы-

ли редкие моменты сплочения населения. Горожане понимали: если не остановить этого мутанта, погибнет весь Город. Внизу плечом к плечу стояли гвардейцы, наемники и простые жители, что решили пожертвовать собой ради Города.

Чванки продолжали видоизменяться, как и прочие выжившие твари. Они уже были не по пять метров, как всего лишь полвека назад. Теперь они редко достигали четырех метров. Тот, что ринулся в город, оказался совсем малышом, примерно три с небольшим метра.

В тот день сотни людей замерли, прислушиваясь к быстро приближающемуся «чванк-чванк-чванк». Они дрожали, с лиц стекал пот, и все смотрели в стену подземного города, ожидая прорыва.

И он произошел.

Стена пошла волной. Эхо ноющего подметалла прокатилось по Нижнему Городу. Подметалл в секунды сдался под когтистыми лапами и напором чванка. Замершую тишину нарушили крики. Кто-то не выдерживал и убегал подальше от рыхлого монстра с белой в рытвинах коже, из которой редкими жгутами росла серая острая шерсть. Кто-то героически терял сознание, падая под кривые лапы монстра. А кто-то с диким криком кидался на ничего не чувствующего мутанта.

Длинный нос чванка ходил ходуном, приплюхиваясь-прислушиваясь к гомонящим людям, что пытались пробить его шкуру. Слепые, налитые кровавым безумием глаза вращались. Широкие лапы с плоскими острыми когтями разрыва-

ли стены, норы, людей. Оглушительное «чванк-чванк», мигая уши, проникало напрямик в кровь, замораживая ее ужасом.

Чванками этих мутантов называли в народе, из-за характерных звуков, которые слышны при приближении, когда сердце замирает, а дыхание становится поверхностным. В списке существ чванк значился кротом. Кастрюля помнила картинки прошлого, на которых изображали прежних кротов. И Кастрюля понимала, что чванк не имеет ничего общего с теми милейшими черно-пушистыми существами.

Чванки не были умны, и в своем безумии они становились страшнее других мутантов. Слепые, глухие, они неслись вперед, туда, где чувствовали жизнь, то, что можно съесть. Плотная шкура, быстрота и бесцельность движений, режущие когти, острые зубы делали их опаснее других.

В тот день погибло много жителей Города-4. Еще больше оказались ранены. Чванка победить не удалось, но напугать и заставить сдаваться бегством – получилось. Город ликовал, пока Кастрюля неслась вслед за чванком по подземным туннелям.

Она не собиралась. Тяжелый ботинок попал в ловушку, между когтями чванка. Повезло еще, что это были тупые когти на задней, наполовину атрофированной короткой лапе. Никто и не заметил девушку, безвольно телепающуюся позади монстра, – жители праздновали победу и закрывали прорванную стену.

– Тем более все обошлось, – поморщилась от воспоминаний Кастрюля. – Что ты нашел?

– Тут написано... Так... – Сова понажимал что-то в телефоне, заставляя экран ярко гореть, а глаза щуриться. – Вот, здесь. Смотри.

– Сэдрик Ванядурак тридцать лет назад пересекался с Мистером Черный Крафт, – прочитала Кастрюля и подскочила с лежанки. – Так он существует!

– Ага, – довольно кивнул Сова.

– Я думала... Я успела...

– Я тоже. Но Мистер Черный Крафт существует. Или существовал тридцать лет назад.

– О-хо-хо, – Кастрюля снова упала на лежанку, все еще не веря, что у них получилось.

Они несколько лет искали этого таинственного человека, о котором Кастрюля не знала ничего, кроме имени. Долгие безрезультатные поиски привели ее к мысли, что она ищет то, чего нет. Пару раз упав духом и несколько раз воспрянув, Кастрюля в конце концов забросила свои поиски, но не очень далеко и не очень-то надолго. И вот свершилось.

– Это же все меняет, – все еще шокированная произнесла она. – Что там еще написано?

– Больше ничего.

– Как? Нет, – Кастрюля выдернула телефон из рук Совы и начала проматывать экран, выискивая нужное имя. – Не может быть.

– Я все проверил. Ты мне не доверяешь?

– Доверяю, – Кастрюля поникла и вернула телефон Сове, он лучше разбирался в технологиях, особенно прошлого.

– У нас есть Сэдрик Ванядурак, – ободряюще сказал Сова.

– А ты знаешь, кто это? – у Кастрюли вспыхнули глаза.

– А ты нет?

– Не помню, – немного поразмыслив, призналась Кастрюля.

– Ну ты даешь, – рассмеялся Сова. – Тебе понравится.

Сэдрик Ванядурак

Так. Бумага. С желтыми маслянистыми разводами. Ничего, хоть что-то. Ручка, нужно еще вспомнить, как ей пользоваться. Вроде бы и все.

«Вот они, вечные технологии прошлого», – промелькнуло в голове у Сэдрика.

Взглянув в отражающий подметалл, которым были обиты стены бункера, он увидел все. И седину, покрывшую волосы на голове и бороде полностью, и глубокие морщины, прорезавшие лицо, и тяжелые мешки под глазами. На левой щеке пластырь – вчера Сэдрик срезал себе кожу с идентификационным кодом. Над правым ухом повязка – выдрал тонкую пластину коммуникатора. Левая рука до локтя отсутствует. Но это давно. Не важно.

«Знали ли писатели-фантасты прошлого, как они были близки к истине, – начал вычерчивать кривые буквы Сэдрик, периодически роняя ручку. – Больше века назад мир умер. Тот мир, о котором мы теперь узнаем из кинофильмов прошлого, что до нас дошли. Изменилось все.

Цивилизационно мы скакнули вперед. Теперь мы роботы. Нет. Искусственный интеллект не захватил людей, не поработил. Он давно под запретом. Но сами мы состоим из микропластика и подметалла. Пластик вдыхаем и получаем с едой и водой ежедневно, ведь чистых продуктов не оста-

лось. В руку вживляют чипы, на которых записана вся наша информация, и по которым мы можем быть обнаружены, как бы хорошо ни прятались. С помощью них можно и оплачивать все, что угодно, а также проверять и улучшать здоровье. На это нас и купили. Только позже, намного позже, все узнали, зачем нужны чипы. Но изменить уже ничего было нельзя.

Каждый наш шаг отслеживается, каждое движение, покупка, общение с другими. Абсолютно все. Больше не спрятаться. Убрать чип тоже не получится, они тебя найдут. Сразу же, как только спутник перестанет ловить твой сигнал. Найдут и в лучшем случае убьют».

Сэдрик глубоко вздохнул и посмотрел на свою культю. Фантомные боли еще напоминали о себе, но все реже. Оттого и больнее.

«Коммуникаторы, вживленные в голову, транслируют нам потоки информационного мусора, отупляя и без того скудные умы. Конечно же, там можно найти и полезную информацию, энциклопедии, документальные фильмы прошлого, но только если прорвешься сквозь бесконечную рекламу. Эти ставки, развлечения, игры, увеличение всего и вся.

Отвлекся.

После Эпизода «Упс» и последующей почти тридцатилетней войны мир некоторое время еще находился в хаосе и разрозненности. А если точнее – сто тринадцать лет. Я родился во времена хаоса, и это были лучшие годы моей жизни. Намного лучше, чем сейчас, когда Совет Объединенных

Городов подмял под себя весь выживший мир. Это произошло совсем недавно, пятьдесят шесть лет назад, в 2160 году.

Не знаю, что такое страны, как они раньше функционировали, как в них велись дела. Но думаю, раньше было хорошо в этих странах. Во всяком случае, если тебе не нравилась своя страна, с легкостью можно было переехать жить в другую, в новую, с совершенно другим режимом.

В прежние времена в тех странах отсутствовала коррупция, не было разделения на богатых и бедных, люди жили миром. Все существовали в единении с природой. Чего только стоят те видеофрагменты, где люди любя возделывают пшеничные⁹ поля или сажают деревья¹⁰, которые ныне мы можем видеть только во снах. Предки уважали и умели общаться с животными¹¹, чего только стоят их цирки¹² и зоопарки¹³. Животные тогда понимали человека, выступали и жили в потрясающих условиях. Да чего уж там, тогда были животные.

Никаких игр, на которые молодежь теперь тратит все свое время и ресурсы. Никаких цехов, засоряющих воздух. Никаких свалок радиоактивных отходов. Зеленые поля, чистые

⁹ Пшеничные поля – желтая растительность, что покрывала землю в прошлом.

¹⁰ Деревья – большая зеленая растительность. Встречалась реже.

¹¹ Животные – даже не знаю, это нечто живое, но то, что не сейчас, а тогда. Их там много разных. Лучше посмотрите в коммуникаторе, если найдете.

¹² Цирк – там, где жили животные наравне с людьми.

¹³ Зоопарки – дома животных (без людей).

моря, веселый смех, балы¹⁴ и приемы¹⁵. Вот бы родиться тогда, в золотом двадцать первом веке, гулять по паркам, есть листья, а на руках свой бегемот. Вы видели бегемота? Обязательно найдите его изображение в коммуникаторе – потрясающее небесно-голубое животное.

Опять отвлекся. Я пишу это для вас, для тех, у кого еще есть силы и возможности все исправить. За мной охотятся и скоро убьют. Возможно, пока вы читаете это послание, я уже мертв.

Электронные носители зачистят, не оставят и следа. Никто не будет знать, что я существовал. Но бумагу... Бумага сейчас не считается ценной, не несет в себе никакой информации. Ее не найдут они, капиталисты и тираны, поработители и убийцы.

Но я верю в вас. И сейчас я напишу план, который...»

Сэдрик вздрогнул и взглянул на маячок. Тот безмолвно лежал на столе. Если бы кто-то находился рядом, маячок сразу бы активизировался, отражая сигнал от чипа.

Но ничего. Тишина. Все спокойно. Сэдрик оглянулся. Небольшая комната, матрас в углу, консервные банки с квашеными опарышами и замоченными выделками тараканов вдоль стены. Там же бутылки с мутной питьевой водой. Справа от выхода стеллаж с книгами¹⁶ прошлого, уже почти тру-

¹⁴ Бал – спросите у Сэдрика.

¹⁵ Прием – может, прием пищи?

¹⁶ Книга – примерно то же самое, что читаете сейчас вы, только бумажное и в

хой, и с неопознанными бумагами, собранными на свалках прошлых районов.

От выхода из комнаты простирается темный коридор, углубляется внутрь бункера, к системам жизнеобеспечения, к душевым и туалетам, к кладовым, медкабинету. Времени как следует все оборудовать Сэдрику не хватило, так что он находился в единственной комнате, где было хоть что-то, кроме стен и названия.

Сэдрик прислушался. Наверное, показалось. Повернулся обратно к рукописи, снова взял ручку и пристроился писать.

Грохот. Сдавленный стон. Пыль клубами. Сэдрик вздрогнул и подскочил с жесткого стула, роняя его со звонким эхом. Обернулся.

Разломанный стеллаж, книги разлетелись в пыль. Из груди поднялась девушка, смущенно взглянула на Сэдрика, попыталась сбить с себя пыль. Чихнула.

– Откуда? – выдавил он.

Сэдрик годами создавал бункер¹⁷. Про его существование никто не знал, тем более про его местонахождение. А уж о том, чтобы он оставался непроницаемым ни для кого, и говорить нечего.

Но перед ним девчонка. Совсем ребенок, неуклюже вы-

основном вымысел. Тут же все истина, кроме некой доли фантазии.

¹⁷ Годами – это мало. Когда дело касается рытья земли подручными средствами в промежутки с восхода солнца до пробуждения Города-4, исключая холодные и дождливые дни, что могут неблагоприятно повлиять на здоровье пожилого человека. А также за вычетом тех дней, когда не хотелось, не желалось, не боялось.

лезает из горы рухляди. Волосы растрепаны, нос покраснел, на щеках пыль, из-под которой проглядывает идентификационный код.

– Привет, – звонко поздоровалась девушка. – Я Кастрюля.

– Кастрюля, – шепотом повторил Сэдрик.

Он знал о ней. Точнее, был наслышан. Да и кто в то время не знал о Кастрюле? Сэдрик представлял ее немного иначе. Нет, совершенно не так. Гроза всех и каждого не могла выглядеть так... Так невинно.

– Я за вами, – проговорила она, подходя ближе и запинаясь о стул.

– Убить? – тихо спросил он, глядя в ее зеркальные глаза. Он сразу понял, что против Кастрюли он не выстоит. Никто не мог. А он-то с одной рукой и подавно. Девчонку нельзя недооценивать. Но кулак единственной руки крепче сжал ручку. Просто так Сэдрик не сдастся.

– Убить всегда успеется, – кивнула она, стряхивая пыль с волос, от чего сразу расчихалась. – Я пришла спасать, – ошарашила она его. – Пойдемте.

– Но это сверхсекретное место, меня тут никто не найдет, – сопротивлялся Сэдрик Ванядурак.

– Но я же нашла, – пожалала она плечами. – И простите за шкаф и ту пыль на нем, со мной такое случается.

– Книги, – на автомате поправил Сэдрик Ванядурак, суматошно собирая вещи.

Снег

Сэдрик, нервно оглядываясь, спешил за Кастрюлей. Он кутался в длинный рыжий плащ, пряча культу, и все время поправлял капюшон, стараясь скрыть свое лицо. Кастрюля же шла открыто, медленно и вальяжно, словно это была обычная вечерняя прогулка.

Периодически она спотыкалась, а порой и падала, если Сэдрик не успевал ее подхватить. Каждый раз он задумчиво качал головой, размышляя, как эта девочка стала грозой всего Города. Неужели, все эти слухи о ней реальны.

С другой стороны, она как-то пробралась в бункер. Сэдрик проверил все системы безопасности и единственную тяжелую дверь. Система оказалась цела, а дверь заперта. Загадка не нашла своей отгадки.

Сэдрик думал, что они пойдут по переулкам, по подземным рынкам, или на крайний случай по крышам. Но нет. Кастрюля вывела его на центральный, самый оживленный проспект, сияющий от неоновых вывесок и начищенных гвардейцев.

Сэдрик трясся, ожидая, что вот-вот на них набросятся, если не гвардейцы, так наемники, от которых уж точно ничего не спасет. Однако на Кастрюлю никто не обращал внимания. Гвардейцы лениво скользили по ней взглядом, словно не замечая. Наемники и вовсе не появлялись, что было странно,

ведь большая часть населения Города-4 именно они. Самый разыскиваемый в Городе преступник – Кастрюля – оказался никому не нужным.

Сэдрик начал подозревать, что он сошел с ума и Кастрюля ему привиделась, что он самостоятельно покинул защищенный бункер и сейчас идет один по Городу-4. Чтобы убедиться в реальности Кастрюли, Сэдрик протянул руку, коснулся хрупкого плеча.

Кастрюля не успела обернуться – и вдруг резко исчезла. Сэдрик недоуменно открыл рот. Закрыл. Снова открыл, оглядываясь по сторонам.

– Гениальные Градостроители... Что за? – растерянно выругался Сэдрик.

– Подайте руку, пожалуйста, – раздался вежливый голос снизу.

Сэдрик опустил взгляд на землю. Там, где пару секунд назад стояла Кастрюля, оказался люк. Такими люками-ходами были переходы в Нижний Город. Закрывались они на хитиновые решетки, но зачастую эти решетки воровали или попросту забывали закрыть. По началу жители Города и Верхнего Города часто туда падали, пока наконец не выучили до автоматизма, где находятся люки-ходы. Ну и в коммуникаторах, из которых люди редко выныривали в реальность, сразу звенело предупреждение и мигала красным прямоугольная дыра на дороге.

Сэдрик ничуть не удивился, что именно Кастрюля угоди-

ла в открытый люк. Даже если бы люк оказался закрыт, Сэдрик бы не удивился. На секунду он подумал бросить Кастрюлю и сбежать, но пришел к выводу, что теперь-то ему и бежать некуда. А любопытный ум, нацеленный на познание, захотел изучить такую занимательную Кастрюлю. А цель его жизни, план, выстроенный годами, наконец-то мог сработать. Сэдрик Ванядурак редко ошибался, хотя в основном ошибался.

Опустившись на колени, он протянул в люк руку, рассматривая наивное лицо девчонки.

– А вам неинтересно, куда делась лестница? – звонко спросила она.

Сэдрик вздрогнул, оглядывая пространство под люком. В люки-ходы не только же падали. Точнее, в основном в них спускались по специальной лестнице, которая сейчас зияла полыми срезами ниже первой перекладины. Сэдрик перевел взгляд на Кастрюлю, стоящую на какой-то черной куче, и попытался придумать причину:

– Может, кто-то на переделку забрал, давай выбираться.

– Никогда о таком не слышала, – призналась Кастрюля. Оттолкнувшись от черного мешка под ногами, она подпрыгнула и вцепилась в протянутую руку. Сэдрик скрипнул зубами и, упираясь коленями в землю, вытянул девчонку наверх и, наконец, разглядел, что за черный мешок лежал под входом.

– А там? – вздрогнул он, показывая в люк.

– Случайно ботинком в голову прилетела, – невинно хлопнула ресницами Кастрюля. – Он как раз сказал, что рад меня видеть и отключился.

– Это же наемник, – Сэдрик рассмотрел татуировку, покрывающую лоб и веки человека внизу.

– Он не успел представиться, – развела руками Кастрюля.

– Сэдрик Ванядурак, – перед Кастрюлей и Сэдриком остановилось несколько пар черных, начищенных до блеска носов ботинок. – А мы-то вас обыскались.

– Ну вот и все, – простонал Сэдрик, медленно поднимаясь с колен и встречаясь взглядом с гвардейцами.

– Правильно, все, – усмехнулся один из них, видимо, самый главный. – А это кто с тобой? Переманиваешь молодежь на свою сторону?

– Нет, она просто упала в люк, – Сэдрик попытался закрыть девчонку спиной. – Я просто ей помог.

– Политические преступники умирают в муках, – продолжил главный гвардеец, хищно улыбаясь. – И все его сообщники – тоже. Эй, девка, как тебя зовут?

– Кастрюля, – выглянув из-за спины Сэдрика, представилась девушка, мило улыбаясь.

– Нет! Зачем? Что ты делаешь, неразумная? – Сэдрик схватился рукой за голову, выдергивая волосы.

Улыбка главного гвардейца мигом слетела. Розовое холеное лицо покрыла ледяная маска страха. Зазвенела терракотовая броня. Гвардеец выхватил оружие и направил на

Сэдрика и Кастрюлю. Среди его сослуживцев началась паника, дрожащими руками они суматошно нащупывали арбалеты, выхватывали стрелы из запыленных колчанов, цеплялись плечами, дребезжали тетивой и медленно предупредительно и осторожно отступали.

– П–п–положите оружие на землю, – вскрикнул главный гвардеец.

Стрела арбалета с глухим стуком ударилась о землю. Гвардейцы вздрогнули. Терракотовая броня затрещала.

– У нас его нет, – чистосердечно призналась Кастрюля.

– Ну что ты делаешь? – шикнул Сэдрик, выставляя культю под плащом так, чтобы она стала похожа на небольшой лук.

Вокруг начала собираться толпа. Люди выныривали из коммуникаторов, останавливаясь возле нередкого для Города-4 зрелища. Снимали на видео, что-то выкрикивали, просто глазели.

И тут они увидели ее... Его... Это!

Увидели все, каждый свое. Непонятное, завораживающее, пугающее и притягивающее. Все дружно ахнули, замирая и созерцая. Кто-то, не раздумывая, протянул на встречу руку, но тут же отдернул. Пару секунд все стояли неподвижно, рассматривали невиданное. Как по команде все, включая гвардейцев, Сэдрика и Кастрюлю, медленно подняли лица к темному небу, в котором скрывались едва видимые звезды.

Крик. Нет, визг. Визг разбил дружную тишину. И тут началось.

Все побежали, в панике распахивая других. Суматоха, толчея, крики и леденящий страх. Главный гвардеец, взглянув испуганно на Кастрюлю, бросился подальше от этой чумной. Галдя громче всех, он расталкивал людей, прыгал по тем, кто упал, бил наотмашь всех, кто смел преградить ему путь. Подчиненные затарахтели броней и поспешили последовать примеру своего начальства.

Через пару минут все затихло. Из окон домов затравленно выглядывали люди. В дверях баров и ресторанов толпились посетители. Каждый смотрел на белое нечто, что падало хлопьями на землю, на которой оно и исчезало, и на силуэты мужчины в типутунитовой мантии и девчонки, застывшие посреди улицы. Девочка протянула руку и поймала белый пух, жители Города-4 дружно охнули и скрылись в дверях, закрывая за собой все замки, затворяя все ставни на окнах.

– Как красиво, – выдохнула Кастрюля, а на ее ладони уменьшался белый комочек.

– Так вот он какой, – изумился Сэдрик.

– Он?

– Снег¹⁸, – прошептал Сэдрик. – После Эпизода «Упс» это первый снег, – безумно улыбаясь, Сэдрик взглянул на Кастрюлю, которая так вовремя выдернула его из бункера. Это был его самый счастливый момент за всю жизнь.

Кастрюля, ничего не понимая, посмотрела на Сэдрика.

¹⁸ Снег – замороженная небом вода, когда-то, в прошлые времена, часто падала на землю.

Что такое снег, она не знала, но уже поняла, что это что-то красивое, приятно охлаждающее и точно неопасное.

Вертила

Пахло влагой и чем-то новым. На Город-4 опустилась ночь. Жители попрятались по домам или ушли в Нижний Город. Фонарики и вывески покрыли темными непроницаемыми пленками, чтобы не привлекать внимания насекомых, что шумно пролетали над решеткой, закрывая своими крыльями звездное небо.

Кастрюля смотрела в темное окно на влажные тергиты¹⁹. Они блестели от яркого света луны, словно недавно прошел самый обычный дождь, а не неизвестный никому белый снег. Сами же белые хлопья прекратили свое падение так же внезапно, как и объявились.

– Это правда не ты сделала? – подлезла под руку Ранника, прижимаясь к Кастрюле.

– Правда, – Кастрюля приобняла девочку.

– Это природное явление, – отозвался Сэдрик Ванядурак, стоя в сторонке.

– Природное явление, – не вылезая из коммуникатора, передразнил Сова из-за своей рваной пленки. – Что-то я не знаю таких явлений.

– А что это такое? – спросил Вертила, не сводя взгляда с Сэдрика Ванядурак.

¹⁹ Тергиты – ну это же всем известно. Правильно, то, из чего состоит половина города. Что я тут, как неразумная, в самом-то деле, ерунду объясняю.

Вертила невзначай разминал массивные кулаки и скалил белоснежные зубы, чтобы гость не забывал, что он вовсе и не гость. Тот дергался, вжимался в стену и понимал свое положение. Однако это не мешало ему встречать в разговоры неизвестных ему ребят.

– Это события, которые происходят в природной среде естественным образом, – пояснил Сэдрик Ванядурак.

– А, понятно, – кивнул Вертила. – А это как?

– Без вмешательства человека.

– А-а, понял, – протянул Вертила, почесывая затылок.

– Это как дождь, – Кастрюля провела пальцем по пленке вслед стекающей капле. – Вода из речек и морей поднимается вверх. Тучи ее переносят по небу и поливают землю.

– Круговорот воды в природе, – нравоучительно поднял указательный палец Сэдрик Ванядурак.

– А этот ваш снег-то откуда? – не выдержал Вертила.

– Где-то он лежал, тучки его нашли, подняли и принесли к нам, – пожала плечами Кастрюля, закрывая ставни на окнах. – Ранника, можно включать светлячка.

– Как это? – удивился Сэдрик Ванядурак. – Вы не знаете откуда берется дождь?

– Вам же только что объяснили, – ухмыльнулся Вертила. – Его тучки из рек приносят.

– Вы что-нибудь слышали о круговороте воды? – Сэдрик Ванядурак обвел взглядом озадаченные лица. – Вы в школе учились? Нет? Куда мир катится? – старик обреченно мах-

нул рукой и присел на ближайшую лежанку.

– А куда он катится? – тут же уточнил Вертила.

– В бездну.

– А это что? – Вертила сел рядом с Сэдриком Ванядурак, заглядывая ему в лицо, недоверие к старику сменилось на любопытство.

– О-о-о, Прославленные Градостроители, – Сэдрик Ванядурак схватился за голову, выдергивая единственной рукой остатки волос.

Вертила родился в Нижнем Городе, среди бедняков, что могли позволить себе вырыть нору в хитросплетениях туннелей. На судьбу Вертила никогда не жаловался, видал он и поужаснее семьи, голоднее. Ему повезло, отец работал на колотушке, что предназначена для отпугивания чванков. Работа ценная и необходимая. Платили если не деньгами, так едой, одеждой или техникой. Но в основном отец обменивал стоящие вещи на пойло. В хорошие дни – экстракт клопа²⁰, в плохие – настойки мухроморовки²¹.

Во всяком случае, еда у Вертилы была всегда, а вот мама отсутствовала. Это не редкость в Нижнем Городе, да и в Городе-4 тоже, да и вообще во всех городах. Но это обычное

²⁰ Экстракт клопа – вонючая высокоградусная жижа, что дарует мутность сознания и шаткость ног. Стоит дешево, уносит в мир грез надолго. Добывается из мочи клопов. Не кривитесь, пожили бы вы в XXIII веке.

²¹ Настойка мухроморовки – менее вонючая, но тем не менее противная жидкость, из перебродивших глаз мух. Дарует агрессию, сплетение языка, невнятность слов, размашистость кулаков.

свойство семей того времени нисколько не облегчало жизнь Вертилы. Ему пришлось попасть в компанию не тех ребят, потому что объяснить, кто те, а кто не те, оказалось некому. Как и то, что над ним просто смеялись и использовали для своих нужд. Так рослый пацан неоднократно попадал в руки гвардейцев, не один месяц просидел в бетонном мешке и не меньше сотни оплеух получил от отца. Но Вертила искал любви, не зная, что это такое и где это находится. А не той компании он был нужен. Для насмешек или для взятия вины на себя, но нужен.

Вертила ел, чтобы занять чем-то время, рос, чтобы его не обижали. Воровал, потому что так принято. Пакостничал, потому что так весело. Дрался, потому что так выживал. Крепкое тело, не обремененный лишними или хоть какими-нибудь знаниями ум привели его к спорту. Спорт в Нижнем Городе был не в почете, а вот бои предпочитались. Желательно, без правил, хорошо бы за большие ставки и совершенно необходимо – зрелищно. На бои Вертила попал уже в двенадцать и тоже благодаря маме. Точнее, ее отсутствию.

Вертила не всегда проигрывал, но чаще, чем это было необходимо. Потери средств бойцам не прощались и Вертиле тоже. Золотую юность Вертила встретил уже в клетке, куда кидали отходы, чтобы он поел, и оставляли немного мутной воды, чтобы утолил жажду. Отец махнул рукой на сына и ушел пить. Мать не появилась. А бои продолжились, как и

проигрыши, а вместе с ними рост долга.

По судьбе Вертиле было начертано умереть на ринге. Как и другим должникам из клеток, на потеху публики, на все повышающиеся ставки на гибель. Но Вертила оказался живуч. Раз за разом он оживал, сжимал челюсти со сломанными зубами, вправлял нос, растирал кровь и просил кости срастись. Кости срастались медленно, не успевали к очередному бою. Вертила не сдавался. Он не знал, что такое смерть, страх, отчаяние. Опять же, мама. Но знал, что такое боль. Боль – это жизнь. Вся его жизнь.

Он так думал, пока не открыл глаза и в красной пелене не увидел ее, девчонку. Маленькая, тощая и облезлая, она тащила его по земляным туннелям. Кто, куда и зачем – Вертила не понимал, но попытался ей помочь себя тащить. Ничего не получилось. Мимо глаз Вертилы проплывали, не обращая на него внимания, серые жители Нижнего Города, пролетали разветвления туннелей с красными маячками, проходили гвардейцы, сплевывая и угорая. А девчонка все тащила.

Уже позже Вертила узнал, что это была Кастрюля, и притащила она его в свое логово – далекую, заброшенную ветвь туннеля, в маленькую нору, забитую хламом. Шрамов у Вертилы было больше, чем ему исполнилось лет, а лет было четырнадцать, и только тогда он понял, что такое жизнь. Оказалось, мир велик, полон и интересен. Выяснилось, что во круг так много всего неизведанного, того, что Вертиле никто не смог рассказать.

Вертила начал познавать мир вместе с Кастрюлей, с девчонкой, что была младше него, с девчонкой, которая единственная не прошла мимо. С ее появлением рос мир, и он казался бесконечной тайной, которую Вертила всей душой жаждал узнать.

Вертила не доверял Сэдрику Ванядурак, но тяга к знаниям влекла, как мух на сладкие поля. Ванядурак вздыхал и тряс в негодовании рукой, но объяснял. На каждое «почему» у него был ответ. Все интереснее, все путаннее, рождающий еще больше вопросов.

Кастрюля улеглась на соседнюю лежанку, рядом пристроилась Ранника. Они внимательно слушали скрипучий голос Сэдрика Ванядурак и восхищенные вздохи Вертилы. Кастрюля тоже многое не знала, но ей было стыдно в этом признаваться. На вопросы Вертилы она искала ответы в фантазиях и сейчас понимала, как далека была от истины.

Поймана

– Кастрюля! – выкрикнул Сэдрик, перекрывая хлопки, свист стрел и крики гвардейцев.

Кастрюля отстала, ее нога по колено застряла в переплетении скореженного и проржавелого металла. Девушка безрезультатно пыталась ее выволить из капкана. Сэдрик видел лохматую голову, беспокойно развивающиеся на ветру серые волосы и приближающихся гвардейцев, которые не переставали стрелять ни на минуту, хотя и не попадали в цель.

– Уходите, – крикнула Кастрюля, поднимая вверх руки.

Сэдрик не мог поверить своим глазам: Кастрюля сдалась. Он рванулся в ее сторону. Нужно помочь, нужно спасти. Все неприятности в жизни Сэдрика случались из-за его доброты и мягкого сердца. И пускай Кастрюлю он знал всего пару дней, но...

– Уходим, – Сэдрика потащили дальше.

Сэдрик отступал, не сводя взгляда с Кастрюли, которую окружала толпа в начищенных до блеска ботинках, в парадных терракотовых костюмах и с оружием в руках. Все целились в Кастрюлю, боясь подойти, страшась повернуться спиной. Казалось, что на остальных гвардейцам было все равно.

– Кастрюля, – тихо сказал Сэдрик, теряя из вида макушку девушки.

– Быстрее! – гаркнул кто-то на ухо Сэдрику. – Раннику

подстрелили, нам нужно добраться до убежища, пока она не истекла кровью.

Сэдрик перевел взгляд на Вертилу. Сколько они знакомы? Дня два? С того времени, как Кастрюля вытащила его из бункера, в котором он решил умереть; с тех пор как Сэдрик увидел снег; с того момента, как Кастрюля привела его в небольшую квартиру на окраине Города-4.

Там он встретился с ними. Вертила – двухметровая детина с белоснежными на зависть зубами на туповатом лице в обрамлении густых, торчащих во все стороны острыми клочками рыжих волос. Ранника – темноволосая девчушка лет семи, курносая и замкнутая. Сова – подросток, от силы лет четырнадцати, похожий больше на чванка, с вечно растрепанными вихрастыми темными волосами, с мутными глазами на покрытом конопушками лице. Компания молодых ребят, объединенная одной целью или жизнью, в которой Сэдрик чувствовал себя не к месту.

Сэдрик сидел в стороне, наблюдая, как Кастрюля играла с Ранникой, придумывала персонажей из различных металлических и подметаллических кусков. Он видел, как Кастрюля по сотому кругу, не раздражаясь, что-то объясняет Вертиле и как она заботливо треплет лохматую голову Совы, который, казалось, ни на секунду не выходил из коммуникатора.

Это была их семья, маленькая, странная, но семья. И сейчас эта семья бросила Кастрюлю. Предала, оставила. У Сэдрика сжималось сердце, а в горле стоял ком. Но он тоже

уходил, все дальше за Город-4, преодолев стену, по дороге Смерти, на которой из-под фиолетового мха выглядывали останки прошлой техники, вроде бы их называли «машина» или «автомобиль», – Сэдрик не смог найти в чем у них разница.

Вертила нес на руках хрупкую Раннику, поврежденная рука болталась как тряпка. Рана оказалась несерьезная, но не для Ранники. Сова шел, пытаясь поймать в коммуникаторе свежие новости.

– Куда мы идем? – спросил Сэдрик устало. Горечь от своего поступка его не оставляла, застилая туманом глаза.

– У нас убежище в прошлых районах, – ответил Вертила и тут же замолчал, съездившись под суровым взглядом Совы.

– В прошлых районах? – вздрогнул Сэдрик.

Прошлыми называлась местность, где жили люди до Эпизода «Упс». Туда нельзя было ходить. Это каралось смертной казнью, если кто-то смог вернуться²². Конечно, раньше организовывались вылазки. И даже Сэдрик в молодости выходил в прошлые районы, собирать книги или реликвии, значение которых не знал. Но спустя некоторое время там ниче-

²² Ну и конечно же, если про это узнавали гвардейцы. Хотя много людей повсеместно по барам рассказывали свои невероятно пугающие приключения из путешествий по просторам опасной планеты. Обычно в своих рассказах они неоднократно умирали и чудом воскресали. Но на это никто из слушателей, что никогда не покидали защитных стен, не обращал внимания. Не важно, сколько раз герой-рассказчик умер, если он так правдоподобно, ярко и красочно описывает все ужасы окружающего мира.

го не осталось. Все, что можно, разнесли, все, что не разнесли, сгнило. Прошлые районы зарастали фиолетовым мхом и трехметровыми грибами с огромными шляпками. Заброшенные города хранили в себе опасность, которая росла, плодилась и копошилась.

– Нам нужно вернуться за Кастрюлей, – упрямо сказал Сэдрик, пытаясь стать лидером в этой молодой компании. – Я знаю, где тюрьма и...

– И там толпы гвардейцев, – перебил Сова. – Сейчас всех отправили туда, чтобы Кастрюля не смогла сбежать.

– Но... Надо же что-то делать!

– Нам лучше не лезть, – мотнул головой Сова.

– Ее казнят! Как вы не понимаете? Ее убьют!

– Казнь завтра, – отчитался Сова, сверившись с информацией в коммуникаторе. – На площади ХареКришны. Надо же, давно там не казнили.

– Нужно будет сходить посмотреть, – поддержал Вертила.

– Там всегда интересно, – вставила Ранника, забывая о своей ране.

Сэдрик остановился, с ужасом глядя на спины товарищей и задорно болтающиеся ноги Ранники. В его голове не укладывалось все... Все это. Так не должны жить нормальные люди. Он не мог поверить, что все так. Так, как выглядит.

– Ранника, ты останешься в убежище, – отрезал Сова. – С твоей-то раной.

– Да это царапина, – запротестовала Ранника. – Мне даже

уже совсем не больно.

– Нет. Вот Сэдрика Ванядурак будешь охранять, – Сова оглянулся, ища Сэдрика. – Не тормозите! – крикнул он оставшему старику.

– Как вы можете? – шокировано спросил Сэдрик. – Как вы так можете? Она же человек! Она же с вами... Да она все для вас.

Сова, ничуть не устыдившись, пожал плечами.

– Это же Кастрюля, – ответил Вертила. – Не впервой.

– Я не слышал, чтобы ее раньше ловили, – растерянно произнес Сэдрик.

– Наемники, – начала загибать пальцы Ранника, – глюкловители, богатеи, их свита, стражи, да даже подземный чванк! – округлив глаза, доверительно сообщила она с рук Вертилы.

– Гвардейцы не страшнее, – кивнул Сова.

– Но как? – удивился Сэдрик.

– Это же Кастрюля, – разом ответили ребята.

Сэдрик покачал головой и подошел ближе. Странности этой компании не поддавались аналитическому складу ума Сэдрика. Он не понимал, как они могут быть уверены, что Кастрюля выкрутится, и как у такой неловкой Кастрюли это получалось.

– А почему она Кастрюля? – спросил он спустя какое-то время, продолжая шагать за ребятами.

– Она заключила контракт с Кастрюлевым Богом, – се-

рьезно сказал Вертила. – Поэтому ее преследует удача.

– Богов нет! Она родилась в кастрюле, – бойко заявила Ранника. – Меня вот Аист Су-24 принес. Вертилу в капусте МОН-100 нашли. А Сова...

– Сама ты в кастрюле родилась, – перебил Сова. – Ей в детстве код идентификационный набили по ошибке от кастрюли, вот и пошло.

– Да нет, – запротестовала Ранника. – Это же разные цеха, не могли они так ошибиться!

– А родиться в кастрюле, значит, логично? – буркнул Сова, погружаясь обратно в коммуникатор.

– Кастрюлевый Бог, – многозначительно кивнул Вертила. Сэдрик пожал плечами, каждая из версий казалась абсурдной. Но что в этом мире не абсурд?

До темноты они успели добраться до прошлых районов. Сэдрик нервно оглядывался и подпрыгивал от каждого шороха. Сердце екало от шевеления теней, а коленки дрожали, что замедляло шаг. Даже в молодости Сэдрик не славился смелостью, а с возрастом стал еще трусливее. Уже много лет он не выходил из дома с наступлением темноты, даже в Городе-4, что находится под защитой Души Градостроителя, скрыт за неприступной стеной и накрыт подметаллической сетью. А прошлые районы... Сэдрик и вспомнить не мог, как он додумался по ним лазить. Тяга к познанию прошлого, секретам механизмов и книг преодолевала все страхи и направляла Сэдрика на приключения.

Тогда он был молод. И глуп. Резонное оправдание. А сейчас ему оказалось больше некуда идти. Для чего он понадобился этой компании, Сэдрик еще не успел выяснить, но в его голове вертелись шестеренки, запускались механизмы: это те самые ребята, что перевернут мир, перестроят режим, свергнут тиранию и приведут мир к утопии. Именно они смогут все исправить и наладить, а он-то им подскажет, как это сделать. Коммунизм – всему решение!

– Нам нужно укрыться, – прошептал Сэдрик Сова, признавая в нем сознательность, что в остальных отсутствовала.

– Мы уже почти дошли, – Сова вынырнул из коммуникатора. – Кастрюля еще не сбежала.

– Уже полдня прошло, – расстроилась Ранника. – Раньше она не давала нам так волноваться.

– Ничего, она справится, – прижал к себе девочку Вертила.

– Мы могли бы ей помочь, – снова предложил Сэдрик.

– Вы хотите ночью возвращаться в город по районам прошлого? – фыркнул Сова, останавливаясь у высокого холма.

– Даже я знаю, что ночью нужно прятаться в убежище, – неодобрительно покачал головой Вертила. – Лучшая помощь Кастрюле – не мешать.

– И он неожиданно прав, – ответил Сова. – До казни время еще есть, а ночь для Кастрюли всегда продуктивнее. Давайте подниматься, скоро начнут вылезать.

Все притихли, оглядываясь. Ни шорохов, ни воя, ни гула,

ни перестука, ни клацанья. Пока все спокойно, но они давно уже уяснили: самое опасное – тишина. В тишине не знаешь, от кого и куда убежать.

По мягкому ворсу мха они поднимались на холм, огибая стволы и шляпки грибов. Грибы провожали их молчаливым осуждением. Небо быстро темнело, вспыхивая звездами, зажигаясь луной. Издалека послышался гул, набирающий громкость, его подхватили другие. Где-то застучали тергиты, зашуршали стерниты, заклацали жвала. Сэдрик уже не трясся. Он смотрел на уверенные прямые спины ребят, поднимающиеся перед ним, опасаясь взглянуть в сторону, увидеть блеск черных глаз и свое худое бледное отражение в них. Даже сердце не билось, а воздух выходил из груди с легким свистом. Голова отключилась, позволяя телу двигаться вперед на прямых ногах, не зная, что его ожидает.

– Приготовьтесь, – шепнул Вертила, останавливаясь у отвесной стены и спуская Раннику с рук.

– Не бойтесь, – девочка нащупала в темноте ледяную ладонь Сэдрика и успокаивающе сжала ее.

Сэдрик приготовился. Собрался. Обхватил маленькую теплую ладошку. Вертила закричал, со скрипом что-то отодвинул. В стене холма оказался проем. Сова нырнул в темноту. Ранника дернулась за ним. Сэдрик рванул на себя ребенка. Он окаменел, смотря в зияющую пасть, в которой роились монстры.

– Быстрее, – крикнул Вертила и со всей силы толкнул Сэд-

рика в черноту.

Приговор

Кастрюля мерила шагами клетку. Пять широких шагов от решетки до решетки. Бетонный пол, противный желтый свет одинокого светляка, миска с мутной водой. Вокруг клетки десяток гвардейцев не сводят с нее глаз. Все на отдалении, руки на оружии. Недовольны.

Скрипнула дверь. В небольшую бетонную коробку вошел, перекаtywаясь, толстый маленький человек. Белая мантия подметает грязный пол, на голове съехавший белый кудрявый парик, по лицу, измазанному белой краской, стекает пот, прочерчивая грязные дорожки²³. Судья остановился в нескольких метрах от камеры, прячась за спинами гвардейцев. Те же попытались выставить его вперед, стараясь незаметно зайти за его спину. Судья снова отступил.

Кастрюля, наблюдавшая за представлением, расхохоталась. Смех отразился от бетонных стен и эхом прокатился по рядам гвардейцев, вызывая в них приступ дрожи. Стражи порядка ринулись, кто куда, сбивая друг друга с ног. Воцарилась суматоха, пока Судья писклявым голосом не приказал: – Пл-леклатить!

Кастрюля зажала ладонями рот, но смех рвался и через глаза. Дождавшись, пока Кастрюля перестанет трястись, как

²³ Моду на внешний вид переняли из картинок прошлого, что казались более пугающими и подходящими под случай, по мнению правителей.

Судье показалось, от страха, он продолжил:

– Встать! Суд идет, – взвизгнул Судья и обвел суровым взглядом всех и так стоящих людей в крохотном помещении. – Кастрюля, известный всем вол, убийца и тел–лолист, вы осуждены за все свои злодеяния и пь–иговаливаете к смелтой казни, завтла, на площади ХалеКлишна, на лассвете. Вы плизнаете свою вину?

– Нет, – звонко ответила Кастрюля.

– Ваше дело, – произнес Судья и пошел вон из душного бетонного мешка. Остановившись у двери, Судья обернулся: – В полдень! Не собилаюсь я менять свое ласписание из-за какого-то пь–еступника. Понятно вам? В полдень!

Кастрюля молча проводила его взглядом. Когда за Судьей захлопнулась дверь и проскрипели закрываемые засовы, она еще раз осмотрела свое последнее пристанище. Выхода нет. Даже если бы не было гвардейцев, выхода нет.

Грустно вздохнув, Кастрюля села на холодный склизкий пол.

Внутри, как обычно, не было ничего. Никаких планов, вариантов, возможностей на побег. Кастрюля никогда не искала выхода из неприятностей, обычно выход находил ее сам. Большую же часть этих самых неприятностей Кастрюля даже не замечала. Порой ей казалось, что не она живет жизнь, а жизнь живет ее.

Гвардейцы монотонно шептались, иногда перехрюкиваясь смехом. В какой-то момент и они устали бояться, глядя

на неподвижно застывшую девчонку. Точно ли она та самая Кастрюля – не знал никто. И скорее всего, гвардейцы склонялись к тому, что это была не она. Но на всякий случай стоило позаботиться о своей безопасности. А это значило: близко не подходить, громко не говорить, не злить, но и не показывать слабости, а также не доверять никому, кто находится в комнате. Вдруг кто-нибудь решит выслужиться перед Кастрюлей, получить ее снисхождение в будущем. Кастрюля неуловима, она сбегает всегда. А если эта Кастрюля сбежит, кто гарантирует, что она не вернется завтра за их жизнями?

Кастрюлю же не интересовали гвардейцы. Она пыталась вспомнить. Вспомнить свою недолгую жизнь, раз представилось время, раз накатило уныние и можно не делать вид, что она каменная и всегда знает, что делает. Она ковырялась в мыслях, рождала картинки прошлого.

Небольшая нора в Нижнем Городе. Крошечная норка в небольшой норе в Нижнем Городе. Мама ее прячет. От всех и каждого. Никто не должен знать о ее существовании. Каждый может предать, каждый может убить. Кастрюля вспоминала дрожь перепонки, что закрывала вход норы, вспоминала ее дребезжание, и как она бежала прятаться в норку, где возможно было только лежать, свернувшись калачиком, и ожидать, пока разговоры стихнут, а гости уйдут. Тогда мама отодвинет лежанку, разгребет землю, уберет щитки, и Кастрюля сможет выйти, вытянуться, размять затекшие конечности.

Мама ее любила, рассказывала сказки про прошлые времена, учила читать и пользоваться техникой, обнимала и говорила, что она все поймет. Вырастет и поймет, и обязательно простит свою маму. Кастрюля выросла, но не поняла. И не простила, несмотря на то что ее мама была лучшей на свете.

Кастрюля вспомнила свой самый счастливый день. Мама принесла яблоко. Яблоко – это такая зеленая, жутко кислая и твердая еда. Мама сказала, что в мире еще сохранились яблоки, но они растут очень далеко. Это самая вкусная вещь, что Кастрюле приходилось пробовать. Она сидела на маминной лежанке и хрустела яблоком, морщась от кислоты, а мама смеялась. Звонко и громко, так, как больше никогда не смеялась.

Кастрюля вспомнила и свой самый несчастный день, что растянулся на недели. Мама спрятала Кастрюлю в норку и ушла. Ушла и не вернулась. Кастрюля не знала, сколько она пролежала в земле, свернутая калачиком, пьющая свои слезы. Она слышала, как в нору приходили люди, как они кричали, разбрасывали их с мамой вещи, переворачивали все вокруг. Кастрюля мысленно молила маму вернуться и остановить людей, но мама не приходила.

Ушли люди. Кастрюля ждала. Люди пришли снова. Кастрюля лежала. Все опять ушли. Наступила тишина. А страх никуда не делся. Кастрюля боялась пошевелиться, думала, что в норе ее кто-то поджидает, что мама вот-вот вернется, что мама ее спасет. Страх победило осознание, что нужно

спасать маму. Выбраться из норки у Кастрюли получилось, а вот встать – не сразу. Спасти маму – никогда.

«Вот и все, – пронеслось у Кастрюли в голове. – Это конец. Прости меня, мама, я не справилась».

Казнь

– Сегодня состоится казнь самого известного преступника Города-4, – транслировал коммуникатор Сова, включенный на полную громкость, пока они всей компанией возвращались из убежища по дороге Смерти в Город, чтобы посмотреть, как они думали, провал казни.

– Девушка, которую все знают как Кастрюлю, начала свою преступную деятельность около пяти лет назад, – продолжал монотонный голос ведущей новостей. – Все начиналось с мелочей, которыми занимается большая часть населения: небольшие грабежи, разбои, разборки с наемниками и глюколовителями. Первым громким делом стало ограбление здания помощника главы Совета Объединенных Городов. Кастрюля преодолела хитрую охранную систему, усыпила стражников и выкрала десять миллионов денег²⁴, три банки элитного клубничного варенья, датированных 2038 годом эры до Эпизода «Упс», разбила три стеллажа и пятьдесят стеклянных витрин²⁵. А также забрала штемпель с идентификационными номерами, что так долго позволяло ей скры-

²⁴ Никого не смутило, что деньги в XXIII веке только цифровые? Вот и жителей Города-4 это не смущало. Их, в принципе, вообще мало что смущало, таков народ. Что уж тут поделывать?

²⁵ Ну тут ничего не добавить. Та самая особенная особенность Кастрюли. Так сказать, ее коронный след.

ваться от правосудия.

– Серьезно? – скептически хмыкнул Сэдрик.

– Варенье было вкусным, – облизалась Ранника, прикрывая глаза.

– Деньги она не приносила, – Вертила сурово пинал грибокамни, попадающиеся ему под ноги.

– Еще более нашумевшим делом оказалась недавняя кража секретной информации Совета Объединенных Городов. Что именно стало известно Кастрюле, нам не сообщается. Но у нас нет сомнений: это что-то очень опасное и угрожающее жизни всему Городу. И всего лишь несколько дней назад Кастрюля неведомым способом взорвала особо грозную бомбу над Городом-4, ее радиоактивный пепел покрыл улицы нашей родины, заблокировал все передвижение и остановил нашу жизнь на несколько часов. Особо впечатлительным жителям понадобилась медицинская помощь, а многим – успокоительные. Даже комендантский час пришлось перенести на час позже, что подвергло риску нападения комаров на наши дома и фермы. Затраты Города-4 на устранение всех неполадок составили половину от доходов Города, что несомненно повлияет на зарплаты всех трудящихся.

Сэдрик усмехнулся, вспоминая белый хлопок, медленно опускающийся на землю.

– Но поистине самым тяжелым и пугающим стало похищение дочери Канцлера – Ранники Куськомак, – на этих словах Сэдрик вздрогнул и скосил глаза на девочку, которая,

весело подпрыгивая, спешила с ними в Город-4. – На момент похищения девочке было пять лет. Что стало с дочерью Канцлера до сих пор неизвестно, но многие склоняются к мнению, что ее давно нет в живых. Чип учета жизни перестал подавать сигналы спутнику еще в первые дни похищения. Почтим Раннику Кусьмокак, запечатлев ее внешность двухлетней давности в своей памяти, – грустно произнесла ведущая. – Также на счету Кастрюли бессчетное количество убийств, от наемников до гвардейцев...

– Бред, – Сова вырубил коммуникатор.

Оставшийся путь до Города-4 они провели в тишине. Говорить не было желания ни у кого. Сэдрик надеялся, что, как и он сам, ребята спешат на помощь своей подруге, а не просто поглазеть на ее смерть.

Вертила первым перелез через ограждение, окружающее Город-4. Считалось, что оно может помочь от проникновения в города различных существ, мутировавших после Эпизода «Упс». Защитить наравне с Душой Первого Градостроителя, что хранилась в секретном месте, в непроницаемом сейфе, завернутая в настоящую хлопковую ткань²⁶. Что собой представляла Душа, никто не знал, кроме разве что Совета Объединенных Городов, и то не факт. Главное – она защищала, важное – она позволяла Городу стоять, отгоняя существ, необходимое – на нее нужно было молиться, почи-

²⁶ Бред, конечно. К появлению и становлению Городов не осталось хлопка. Да и ткань, вероятно, уже вся истлела.

тать и не забывать. Вот и все, что знали жители. Правда, не все существа стремились к людям, поэтому эта стена скорее защищала весь мир от людей. Границу обычно лениво, но патрулировали, но сейчас все силы были брошены на охрану Кастрюли и на поддержание спокойствия на площади Харе-Кришна.

Сэдрик подставил увесистый грибокамень и помог Сове с Ранникой перебраться через стену, после чего с помощью Вертилы перелез и сам. Никем не замеченные в суматохе Города, они прошли к площади ХареКришна, где ненадолго разделались. Сова и Вертила куда-то ушли, оставив Сэдрика с Ранникой слоняться между людьми, погруженными в свои коммуникаторы.

– Зачем они пришли? – не выдержал Сэдрик, отдергивая Раннику от толпы ничего не видящих и не слышащих подростков. – Они все равно смотрят в записи, хотя действие разворачивается прямо вокруг них.

– Там разрешение лучше, – авторитетно заявила девочка. – Смотри, там про Кастрюлю говорят. Пошли, – Ранника потянула Сэдрика за рукав мантии, в которой он прятался, в сторону толчеи женщин.

– ...Кастрюля принесла сладкие батончики, – услышал Сэдрик обрывок речи грузной дамы, что возвышалась в центре круга и усиленно жестикулировала. – Сколько раз она выручала наших детей, что попадали в плохие компании? Сколько глюколовителей поганых она вытравила из Города?

А что, нам плохо жилось, когда все наемники и воры оказались нацелены на нее и оставили в покое мирных жителей?

– Да! Хорошо! Кастрюля – сила! – поддерживала ее толпа.

– Многие из нас находили дома свертки с подарками. Игрушки – тем, у кого есть дети, сладости – грустным, деньги – бедным. Да много чего, все и не перечислить. Да, не всем она могла помочь, не могла она изменить нашу жизнь, но мы всегда знали, что где-то есть Кастрюля, что она позаботится о нас, спасет от голода, отгонит негодяев. Маленькими шажочками она меняла, этот мир, эту реальность равновесие, где все достается власть имущим. Она действовала за всех нас, что прятались, что подчинялись, что терпели. Не допустим казни Кастрюли!

– Кастрюле – жизнь! Нет казни! Не допустим! – поддерживали ее соратники.

– Нам пора, – Ранника повела Сэдрика, лавируя в людском потоке, в сторону высоты.

В высотах могли себе позволить жить лишь привилегированные люди: правители, канцлеры, казначеи, владельцы цехов. Сэдрик опасался подходить близко, зная, как хорошо охраняются эти высоченные²⁷ здания.

– Нам туда нельзя, – Сэдрик затормозил, оттаскивая Раннику подальше от высоты.

– Нам туда нужно!

– Там охрана, нас поймают.

²⁷ Аж девять этажей.

– Сова и Вертила уже очистили путь. Не хотите же вы в самом деле смотреть на казнь из толпы, – недоуменно округлила глаза девочка.

Сэдрик сдался. Странная кампания уже не удивляла. Да и будь что будет. На себя ему уже было наплевать, а в груди свербело только из-за Кастрюли. Что бы ни происходило, но ей еще не удалось сбежать. Казнь не отменили. Он видел, как за уверенностью друга Кастрюли прячут обеспокоенность; как Сова постоянно ищет скрытую информацию в коммуникаторе, взламывая сигналы гвардейцев, ожидая их провала; как Вертила нервно улыбается, постоянно оглядываясь, словно ждет, что вот-вот из воздуха появится Кастрюля; как периодически влажнеют глаза Ранники, когда она без слов узнает у Совы, что нет никаких новостей.

Ранника завела Сэдрика внутрь здания, где они не встретили ни одного охранника. Они молча поднялись на пятый этаж по лестнице, устланной красным ворсом, и остановились перед богато увешанной побрякушками тяжелой дверью-надкрыльем.

– Кто здесь живет? – дрожащим голосом спросил Сэдрик, зная ответ.

Дверь бесшумно распахнулась. На пороге, улыбаясь во весь рот, стоял Вертила.

– Заходите, – махнул рукой он. – Вы долго?

– Сэдрик Ванядурак трусил, – наябедничала Ранника, пробегая внутрь.

– Я не трусил, – ответил Сэдрик, с опаской заходя в огромную квартиру. Без преувеличения, здесь было наверняка около пятидесяти квадратных метров. Такие большие квартиры Сэдрик не видел. – Но что мы делаем в квартире Судьи?

– Его все равно не будет, он обязан присутствовать на казни. А вид здесь отличный. Да и перекусить вкусно можно, – ответил Вертила, устраиваясь у широкого окна.

– Начинается, – крикнула Ранника.

Все прилипли к окну, оглядывая площадь, набитую людьми. В центре площади возвышался помост, на котором и планировалась казнь.

Через профессионалов-громкоговорителей, что повисли практически на каждом столбе, через коммуникаторы, в которые были направлены сотни глаз, грубый мужской голос начал зачитывать обвинения. Список оказался внушающим.

– Я тоже был наслышан о Кастрюле. Так же, как и многие, боялся ее и считал опасным убийцей, что не остановится ни перед чем, – прошептал Сэдрик, наблюдая, как к помосту двигается колонна гвардейцев в центре которой семь носильщиков тянут подметаллический ящик²⁸. – Я верил слухам, распространял сплетни. Я, как и многие в этом Городе, винил во всем только одну Кастрюлю. И хоть я знаю ее всего несколько дней, я могу уверенно сказать, что в ней единственной в нашем мире сохранился человек. И я никогда не

²⁸ Подметаллические ящики – в таких особо опасных преступников доставляют на казнь, чтобы те не смогли сбежать.

поверю, что она кого-то убила или сделала что-то во зло...

Гвардейцы внесли ящик на помост и выстроились вокруг. Палач потряс длинной серебристой косой – элементом устрашения и зрелищности. Другой элемент – пистолет, настоящий пистолет с патронами прошлого. Такой стреляет не стрелами, пропитанными ядом блуждающего паука²⁹, а пулями, что убивают сразу и насмерть. Пистолеты прошлого использовали только во время казни, ради напоминания и запугивания.

Часть толпы ликовала, другая осуждающе улюлюкала, но никто не рвался сквозь оцепление, чтобы помешать казни. Ранника всхлипнула, не выдержав напряжения. Сова выключил коммуникатор и отвернулся от окна. Вертила взвыл. А Сэдрик почувствовал, как его сердце останавливается. Дверь подметаллического ящика открыли, вытаскивая оттуда пленника на помост, под взгляды толпы, под окуляры камер.

В квартире на пятом этаже старик, девчонка и два парня перестали дышать.

На площади ХареКришна воцарилась тишина.

Голоса в коммуникаторах замолчали.

²⁹ Яд блуждающего паука значился только в отчетах. По факту его было мало. А точнее, и вовсе не было. Добыча яда дело опасное и неблагородное, ведь никто не хочет погибать из-за таких мелочей, как оружие. Так что этот яд днем с огнем не сыщешь, зато полно жгучих ворсинок паука птицеда. Ими и пользуются. Они еще никого не убили, но прекрасно помогают в ловле преступников, если, конечно, попасть в того самого преступника.

Кристалльную тишину разбил крик:

– Я не Кастлюля! Нет-нет! Они влут! Я не Кастлюля!

Прозвучал выстрел. С хитиновых свай закапала густая красная кровь.

Грибокамни

Кастрюля раскинулась на темно-бордовом мху. Он полностью покрывал стены, пол и потолок убежища. Когда-то это была квартира прошлых людей. В окна заглядывало яркое солнце, по полу бегали босые ноги детей, а в воздухе висел звон смеха. Во время Эпизода «Упс», а может, и в последующую войну, солнце перестало заглядывать в заколоченное окно, смолк топот босых ног детей, они сбежали вместе с родителями, смех замолк, уступая место мрачной тишине.

Время шло неумолимо, налетчики разворошили квартиру, унесли с собой все ценное, мох пробрался через двери и окна, скрывая под собой рухлядь и разложения. Намного позже, когда уже стояли новые города, появилась новая мода, все стремились стать добытчиками. Устраивались вылазки в прошлые районы, ворошился мох, выуживалось уцелевшее, то, применения чему многие не знали. Большинство добытчиков прошлые районы не возвращали, оставляли растворяться в брюхах существ. Некоторые добытчики ничего не находили и бросали это дело сами. Немногие прошлись и по этой квартире, из-за чего мох в потревоженных местах чернел.

Это убежище Кастрюля вместе с Вертилой нашли несколько лет назад. Наемники, которым платили высокие суммы за голову Кастрюли, желательно отделенную от тела,

быстро нашли их нору в Нижнем Городе. Спрятаться оказалось негде, и им пришлось бежать из Города-4.

Прошлые районы оказались не так ужасны, как представлялись в мыслях, передавались сплетнями и устрашались слухами. В них даже нашлась своя прелесть и романтика. Бескрайняя фиолетово-бордовая местность. Холмы и горы, которые под собой скрывали строения прошлых лет, ржавые металлические каркасы, бетонные руины, погребенный пластик и искореженные предметы быта³⁰ прошлых людей. Огромные грибы, под чьими шляпками можно найти желанную прохладу. Забавные игривые стайки безобидных насекомых, в чьих крыльях отражалось радужное солнце. Нежный щебет мошек и необыкновенный аромат свежести и нетронутости. Много удивительных вещей скрывалось в прошлых районах, но самым невероятным оказались закаты.

В Городе-4 их не было. Небо сквозь подметаллическую решетку иногда окрашивалось в необычайное разнообразие цветов, но самого захода солнца за горизонт, перехода ярко-розового оттенка в темно-синий, подсвеченных золотом облаков – ничего подобного в Городе не было видно. Про-

³⁰ В документальных фильмах прошлого рассказывали, что после смерти людей планета Земля еще долго будет избавляться от мусора и пластика, оставленных людьми после себя. Но природа решила по-другому. Природа очень быстро замела следы пребывания человека, оставив на память только каркасы, что сохранил плотный мох. Но и это оказалось ненадолго. В наше время уже не осталось ни единого признака жизни прежних людей. Так что, не надейтесь. Мир прекрасно избавляется от следов насилия. Заживает. Очищается и существует.

шлый район дарил закаты, а потом и рассветы, которые не уступали по красоте.

Кастрюля и Вертила замороженные сидели на одном из высоченных холмов и провожали солнце за полосу подсвеченного мха, забывая все на свете. В солнечных лучах купалась мошка и зеленушка, рождала переливы и радостно верещала. Кастрюля наслаждалась окружающим простором и была уверена, что если в мире есть такие закаты, то ничего плохого под этим небом произойти не может.

Но совсем скоро они услышали их – тех, кто выходит с приходом ночи, тех, кого нужно бояться больше, чем наемников или гвардейцев, – существ.

После Эпизода «Упс» прошло много лет. Большинство существ, что появились тогда, погибли, остальные мутировали. Теперь они стали мельче, хитрее и еще опаснее.

Писк, треск, скрежет, перестук, шуршание многочисленных ног по мху, клцанье жвал, жужжание наполнили тишину прошлого района и напомнили ребятам, в каком мире они живут. Еще не раздался привычный гул и хлопки крыльев, а ребята уже поняли, что деваться им некуда. Внизу роились монстры, устилая своими темными телами мох. Огромное количество насекомых, размерами от двух до пяти метров, вышли на охоту.

Спускаться оказалось некуда, прятаться тоже. В ужасе они замерли на вершине и слышали звук приближающихся комаров, перекрывающий копошение тварей на земле. Вертила

побежал, таща за собой Кастрюлю. Куда они бежали, никто из них не знал. Сверху приближались комары, а снизу уже начали подниматься тараканы. Ловушка должна была вот-вот захлопнуться, а история закончиться.

Кастрюле повезло. Она наступила на пустоту, скрытую под мхом. Пустота утянула ее вниз, а следом за ней в темноту упал и Вертилка. Они застыли, прислушиваясь к шуму снаружи. Иногда в просвете, в который свалилась Кастрюля, появлялись длинные канаты усов, обыскивали дыру, в поисках ускользнувшей пищи, периодически внутрь проникала полностью треугольная голова, щелкающая беззубым ртом, некоторые твари проваливались лапами, нервно пищали, барахтались и убегали. Но, к счастью для Кастрюли и к дикому сожалению насекомых, полностью проникнуть в отверстие последние не могли. Кастрюля и Вертилка с замиранием сердца уворачивались от усов, вжимались в мох перед изучающей пространство головой, стойко получали удары от лап, боясь издать хоть какой-то звук.

Та ночь была самой пугающей и длинной в их жизни. Они ее переждали и пережили. С восходом солнца насекомые полезли по своим норам, оставляя следы из оторванных лап, пустых тергитов, недоеденных брюшков и одиноких голов на холме. С рассветом Кастрюля разглядела помещение, в котором они оказались: заколоченная со всех сторон комната обросла плотным ковром мха, у одной стены мох в форме лежанки, небольшая ниша с непонятным стулом и заваленным

жестким моховым прямоугольником, и единственное отверстие, похожее на узкое окно.

Взвесив с Вертилой все за и против, Кастрюля решила оборудовать убежище. Они закрыли вход найденными тергитами – плотными пластинами, покрывающими спины тараканов. Со временем принесли из Города-4 все необходимое для жизни и полностью обустроили свой новый дом.

Кастрюля лежала на полу убежища, запустив в мягкий мох окровавленные пальцы. Голова трещала, а кожу вокруг губ стягивала корка сухой крови. Нос чесался, но почесать его казалось невероятным, просто не было сил.

Кастрюля скосила глаза, кончик носа помигал ей фиолетовыми бликами.

– А так все хорошо начиналось, – вздохнула Кастрюля.

Побег удался. И даже очень удался. И даже еще больше повезло, когда гвардейцы за побег решили наказать Судью, который не захотел менять своего расписания.

Все оказалось до невероятного просто, так, что даже Кастрюля этому удивилась и смело воспользовалась ситуацией. Ведь если жизнь дает шанс, его нельзя упускать.

А шанс был в том, что гвардейцы оказались глупы. Или их начальство³¹.

Бетонный мешок. Узкое вентиляционное отверстие. Пленник в небольшой сооруженной в центре клетке. Деся-

³¹ Или уж все вместе, кто теперь-то разберет. Кастрюля вот на данные факты жаловаться совсем не собиралась.

ток гвардейцев. И почти сутки. Все сложилось, когда воздух в мешке начал заканчиваться, а у стражей порядка зародилась паника. Мешок был заперт снаружи, набит не совсем умными людьми изнутри и хорошо звукоизолирован.

Дождавшись, пока последний гвардеец отключится, Кастрюля поднялась на ноги и размялась. Жители Нижнего Города привыкли довольствоваться малым. Воздух для них ценный ресурс, который не стоит зря растрачивать. Кастрюля не почувствовала дискомфорта, но ощутила свободу.

Выйти из клетки – ерунда для прославленного³² вора. Закрыть за собой клетку – дело еще проще. Добраться до вентиляции – легче легкого. Забраться в узкое отверстие – не вопрос. А вот дальше появилась проблемка. Вентиляционный люк оказался перекрыт плотными толстыми прутами, примерно в метре от выхода в бетонный мешок.

Сбить, выломать, растянуть эти пруты у Кастрюли не получилось. Но хотя бы воздуха здесь было немного больше. Свернувшись привычным калачиком, Кастрюля уснула.

Самое интересное: возвращение Судьи, приход Канцлера, Военачальника и прочих, поиск причин и следствий, виноватых и виновных, а также крайних, – все это Кастрюля, к собственному сожалению, проспала.

К собственному же счастью, Кастрюля обнаружила открытую дверь, ведущую из бетонного мешка, а также отсутствие гвардейцев поблизости. Выбраться из самой охраняемой и

³² Не зря же ее славили.

защищенной камеры Города-4 оказалось не очень сложно. И хоть Кастрюля не была против такого развития событий, по самолюбию это немножечко ударило.

Но то самолюбие, оно зажило быстрее, чем разбитый нос. А нос разбился сам. Этому не способствовали ни гвардейцы, ни наемники или простые жители Города-4³³. Кастрюля свалилась со стены, с той самой, через которую у них был тайный лаз, изученный досконально и не один раз пройденный. И так нелепо. Головой вниз – и напрямик в грибокамень, который откуда-то там появился.

Нос хрустнул³⁴. В глазах потемнело. А дальше все как в тумане: дорога Смерти, знакомый холм, тяжелый тергит, закрывающий вход в убежище. Из последних сил Кастрюля сдвинула тергит в сторону и рухнула в предоставленное отверстие.

Через некоторое время Кастрюля со стоном повернулась на бок, попыталась встать и упала обратно. В носу противно засвербело, а в горле образовался комок, который все никак не хотел уходить.

³³ Никакого экшена, никаких драк. Расходитесь.

³⁴ Да, мы в реальности, а не в каком-то там видеофрагменте. Здесь от падений или драк случаются травмы. Кастрюля, увы, не неуязвимый супермен (очередной парень прошлых времен, прославился, как вы уже поняли, своей неуязвимостью). Да и супермен, как оказалось, уязвим. Хотите поспорить? Без проблем. Вот скажите, где этот ваш хваленый супермен теперь? Куда он пропал после Эпизода «Упс»? А я знаю. Точно вам говорю. Видела в новостях в коммуникаторе. Он первым погиб. Кажется, то был богомол или саранча. Но, знаете ли, лучше носом в грибокамень, чем встреча с богомолем.

Одиночество. Все, что чувствовала Кастрюля, – одиночество. Одиночество, что разворачивалось огромной черной дырой, в которую Кастрюля вот-вот упадет.

И покинутость. Как тогда, с мамой, в темной тесной норке, когда Кастрюля ждала. Тогда, возможно, она еще и не была Кастрюлей. Но была одинока, напугана и брошена. А еще слаба.

Кастрюля не спасла маму, даже ничего не сделала. Просто спряталась и лежала. Ждала, пока мама вернется, и все, как всегда, наладится. Мама не пришла тогда, а сейчас не было никого. Что с ними? Может, им нужна помощь? Сейчас, в эту секунду. Ранника, Вертила, Сова. Куда они делись? Их выдал Сэдрик Ванядурак или нашли гвардейцы? А что, если они не успели тогда до ночи скрыться? Теперь они плаваются в желудках насекомых.

Кастрюля следила за звездами, плавающими перед глазами, ждала пока они развеются. Они всегда уходят, если за ними ведешь слежку, – Кастрюля это знала точно. Только звезды исчезали, она пыталась встать, но тут же падала. Ничего не получалось.

– Нужно! – скрипя зубами, Кастрюля снова попыталась встать, но только на несколько сантиметров приблизилась к выходу из убежища.

– Ты им нужна! – прошипела Кастрюля перед тем, как в ее глазах окончательно померкло.

Пленник

– Кастрюля? – донеслось издалека. – Кастрюля!

Кастрюля понюхала мутный туман, окружающий со всех сторон. Туман пах успокаивающе, по-доброму, по-дружески, не желая отпускать. Прислушалась. Издалека кто-то звал. Тихо, но настойчиво. Ничего не видно, тело не ощущается. Кастрюля собрала остаток сил и рванула на голос.

– Я иду, – попыталась крикнуть Кастрюля, но получилось что-то невнятное.

Кастрюля приоткрыла глаза. Веки налились тяжестью. В тонкую щелочку она увидела расплывчатое лицо Вертилы.

– Кастрюля, ты вернулась, – широко улыбнулся Вертила. – Это точно нокаут. Я вам говорю. Я-то точно знаю. Знаете, сколько их у меня было? Три тысячи триллионов. Точно-точно. Ничего, пару дней отлежится и как новенькая будет. Кто тебя так уделал? Ух, их были сотни? Расскажи! Как ты их? А они? А кто?

– Иди отсюда, ты делаешь только хуже, – перед глазами Кастрюли появился Сова. – Сколько пальцев ты видишь?

Кастрюля пальцев не видела, а вот звезды опять начали появляться. Выдохнув, что друзья на месте, рядом, и им не нужна помощь, Кастрюля приветливо кивнула головой звездочкам и снова погрузилась в туман, услышав краем сознания скрипучий старческий голос:

– Дети, разойдитесь! И чему вас только учили в школе?

Звуки нарастали. Сначала это было похоже на гул далеких комаров в ночной тиши, что разрезает воздух и вызывает дрожь, даже если ты под сетью Города-4. Потом монотонность рева начала дробиться и распадаться, слышались отдельные слова, связывающиеся в предложения, смысл которых постоянно ускользал.

Кастрюля потянулась, ощущая в теле приятную тяжесть. Пальцы пробежали по знакомому ковру мха, зацепились за что-то гладкое и твердое, потрогали холодную поверхность. Защекотало нос. Кастрюля оглушительно чихнула, вздрагивая всем телом, руки по инерции толкнули то самое гладкое и твердое, до этого зависшее неподвижно над ней.

– Ау-ч, – потерла лоб Кастрюля.

– Я же говорил, нельзя над ней ставить тергит, – заметил Сова, согнувшись над взъерошенной девушкой.

– Ей необходима была темнота и тишина, – нравоучительно ответил Сэдрик Ванядурак, придерживая рвущуюся к Кастрюле Раннику. – Ее нельзя беспокоить.

– Да это всего лишь обломок тергита. Поставить обратно? – уточнил Вертила, держа в руках пластину, весом с него.

– Ребята, – счастливо улыбнулась Кастрюля, разглядывая их задумчивые лица. – Я скучала.

– Ставить, – кивнул Сова, оценивая шальную улыбку девушки и растущую шишку на не успевшем зажить лице. – У нее бред.

– Нет у меня никакого бреда, – Кастрюля собралась и нахмурилась, возвращая обычное отстраненное выражение лица.

– А я же говорил, – покачал головой Сова.

– Кастрюля, мы так переживали, – Ранника вырвалась из захвата Сэдрика и повисла на шее Кастрюли.

– Ее нужно оставить в покое, – возмутился Сэдрик Ваня-дурак.

– Не нужно меня оставлять ни в каком покое, – отрезала Кастрюля.

Стараясь не показывать вида, как у нее ноет тело, Кастрюля поднялась на ноги, оперлась о стену, переждала, пока комната встанет на место от круговерти, и гордо задрала подбородок.

– Со мной все отлично, – уверенно произнесла она, чувствуя, как неуверенно дрожат ноги. – Где вы были?

– На твоей казни, – призналась Ранника.

– Вы? Что? Где? Это же опасно! – сурово посмотрела на друзей Кастрюля.

– А мы из квартиры Судьи смотрели, – радостно заявил Вертила, после чего сразу же получил осуждающие взгляды собратьев. Почувствовав их поддержку, Вертила продолжил: – У него такая обстановка, закачаешься. Огромная квартира и полный холодильник еды. Даже молоко божьих коровок было.

– Подслешенное, – ностальгически прошептала Ранника.

– Так нельзя, – ужаснулась Кастрюля. – Мы же договаривались!

Кастрюля обвела взглядом компанию, пристыженно поникшую. Даже Сэдрик Ванядурак стоял, опустив голову вниз, и ковырял носком ботинка мох.

– А что было бы, если бы вас поймали? Если бы я не успела прийти на помощь?

– Мы думали тебе помочь, – начал Сэдрик Ванядурак.

– Лучшая помощь мне – не мешать, – зло выдохнула Кастрюля. – У нас есть четкий план, как действовать! Если меня ловят, вы спасаетесь и прячетесь. Переживаете время. Если я не вернусь, вы живете своей жизнью без авантур и преступлений.

– Кастрюля, – вклинился Сова.

– От тебя я вообще не ожидала такого. Ты же самый рассудительный из нас. Ты должен был всех остановить, – Сова опустил взгляд в пол. – Вы что не понимаете? – взмахнула руками Кастрюля.

– Ты похожа на свою маму, – выкидывая обломок тергита в окно, произнес Вертила.

– Вертила! – хором взвыли Сова и Ранника.

Но было уже поздно. Слова вылетели изо рта Вертилы и полетели напрямик в уши Кастрюли, не задержавшись и не зацепившись ни за что по дороге. В голове девушки что-то зашевелилось, взорвалось и разлетелось красными искрами. В теле сразу появилась сила, что выпрямила спину, оторвала

Кастрюлю от стены и сжала кулаки до боли от впившихся в ладонь ногтей.

– Я не мама! – крикнула Кастрюля и, оттолкнув Раннику, прошла мимо недоуменно застывшего Сэдрика Ванядурак, задев плечом Сову.

Внутри все горело, хотелось кричать, плакать и драться. Но кричать нельзя было с детства. «Никто не должен тебя слышать», – говорила мама. Плакать запрещено. «Никто не должен знать, что причиняет тебе боль! Ты должна быть сильной. Сильнее всех. Сильнее себя и своих эмоций», – повторял материнский голос. Драться не хватило бы сил. Кастрюля под молчаливое сопровождение товарищей вышла в яркое свечение окна убежища.

Фиолетовый мох неподвижно покрывал высокие холмы. Повсюду возвышались яркие грибы, отражая солнечные лучи от зеркал на шляпках. Кастрюля сбегала вниз, еле устояла на ногах, выровнялась и пошла к ближайшему грибу.

Почему мутировали грибы, до сих пор было неизвестно или же просто не сообщалось. Расти они начали не так давно, заполняя собой все. Раз в несколько месяцев происходили споровые бури, накрывая города слоем семян. После таких бурь жители выходили на улицы и убирали последствия. Как бы кто друг к другу ни относился, все понимали: пропустишь спору – грибы захватят город. Споры вывозили за пределы города на тележках, а после сжигали высокие кучи. Пока город обрабатывали химикатами, народ танцевал во-

круг огней, празднуя очередное очищение.

В прошлых районах грибы не заполонили собой мох, не захватили жизнь на поверхности, хотя никто не знает, что там внутри, в земле, в прошлых зданиях. Никто не рискнул бы изучить грибницу в переплетении нор насекомых.

Грибы³⁵ попадались разные. Из морщенок³⁶ готовили наваристые бульоны с переливающейся пленкой на поверхности. Папотники³⁷ можно было растворить в воде и получить вкусный газированный напиток с небольшой кислинкой и едва заметной сладостью, жажду он не утолял, но все равно пользовался большим спросом. Холодун³⁸, как понятно из названия, применяли для охлаждения, несколько таких грибов могли сохранять пониженную температуру в специальных ящиках, которые называли холодильными камерами. Холодун иногда использовали для охлаждения тела при вы-

³⁵ Грибы, так распространенные до Эпизода «Упс», росли в симбиозе с деревьями (как уже упоминалось, это большая зеленая растительность). После исчезновения деревьев грибы тоже начали исчезать. Считалось, что они полностью вымерли до тех пор, пока около полувека назад не появилось бесконечное множество новых грибов, которые до сих пор пытаются как-то описать, назвать и применить.

³⁶ Морщеньки – сморщенные серые грибы, формой и размерами с подушку, растут повсеместно.

³⁷ Папотники – вытянутые спиралевидные грибы ярко-зеленого цвета, размерами достигают полуметра, также распространенный вид.

³⁸ Холодун – длинные палочки диаметром с мизинец, сохраняют свои свойства в течение десятка лет после того, как их срезают. Вид на данный момент в пределах доступности горожан – редкий. Из-за этого дорогой.

сокой температуре. Есть его нельзя ни в каком виде – человек замерзает, и уже навсегда. Типутуни³⁹ тоже несъедобны, но зато гименофор этих грибов перетирали, забивали в трубки и курили. Запах стоял несносный, но это не останавливало курильщиков. Ножки типутуни использовали как приправу, что придавало продуктам хоть какой-то вкус и остроту. А шерсть со шляпок уходила на одежду. Из этих шерстинок получались красивые блестящие гладкие рыжие мантии⁴⁰.

Грибов существует много, и большую их часть еще не изучили и не описали. Кастрюля подошла к высокой белоснежной ножке зеркального гриба. На стволе рыхлой ножки покоилась толстая красная шляпка, на которой были разбросаны кругляшки зеркал. Облокотившись спиной о ножку, Кастрюля съехала вниз. Злость улеглась, словно впиталась в белую мякоть гриба. Из-за пластинок шляпки изучающее выглянули десятки глаз чешуйниц.

Кастрюля любила маму, но простить ей причиненную боль не могла. Она многое пообещала в детстве. Пообещала и себе, и маме. Пообещала найти ее и спасти, пообещала связаться с Мистером Черный Крафт, пообещала не быть такой, как мама. Не бросать никого в беде, не оставлять в крошечной земляной норке, не пропадать. Пообещала возвращать-

³⁹ Типутуни – рыжие небольшие грибы с широкими мохнатыми шляпками, растут везде.

⁴⁰ Мантии из типутуни – рыжие и самые распространенные, потому что легкодоступные, в них ходит обычный народ. Те, кто приближен к власти, обычно носят белые мантии, которые делают из паутины, что сложно и опасно добывать.

ся. И она возвращалась. Всегда. К тем, кто от нее зависел. Но это единственное обещание, которое она смогла выполнить.

Кастрюля поступала, как мама. У нее было тоже желание всех спрятать, оградить, уберечь. Она убеждала себя, что ею движет совершенно другой мотив, не такой, как у ее матери. Хотя мотивов своей матери она так и не поняла.

Кастрюля боялась. Всю свою жизнь она боялась. Сначала за то, что ее обнаружат, потом за маму, потом за тех, кто рядом. Вертилу она встретила первым из их компании спустя пару лет одинокой жизни в Нижнем Городе, пока она пыталась выживать, училась воровать и не бояться людей.

Мама всегда говорила: «Люди чувствуют страх другого. Если обнаружат твой страх, они нападут». Кастрюля надевала маску и костюм бесстрашной. Пародировала походки других, тех, кто ей казался смелым, перенимала их мимику, копировала жесты. В первое время получалось плохо, но с каждым прожитым месяцем в окружении наемников, воров, глюколовителей, глюкоманов и прочей дряни она справлялась все лучше.

Кастрюля становилась везде своей, отражала зеркально действия и поступки других. Она училась у худших из худших и хранила в своей памяти слова матери, которые та ей говорила каждый вечер перед сном. О доброте, порядочности, уважении, любви и принципах. Она жила по законам людей, что ее окружали, но не изменяла своим принципам.

Кастрюля с непроницаемым лицом брала заказы в воров-

ской гильдии, чтобы прожить еще день. Выполняла их, но потом уравнивала: выясняла, от кого поступил заказ, и воровала что-то такое же ценное у заказчика. Она видела ту несправедливость жизни, о которой постоянно рассказывала ее мама, и в начале пыталась ее исправить: помогала бедным и нуждающимся. Но те не поступали так, как думала Кастрюля. Они не менялись. Пропивали деньги, рвали игрушки, разламывали подарки. Никто не менялся, как бы Кастрюля ни старалась. И тогда поменялась она сама.

Неравенство, несправедливость, плохое правительство больше не воспринимались. Кастрюля поняла, что люди живут так, как они хотят, как привыкли. На том уровне, где им хорошо, в той грязи, где им уютно. Кастрюля решила больше не помогать никому, кроме себя. Она все еще воровала у тех, кто заказывал воровать у других, продолжала приносить подарки детям, у которых не было достойных родителей, пыталась вразумить начинающих преступную деятельность сойти с грязной дороги, исправить глюкоманов, навредить глюколовителям. Но взрослым решила больше никогда не помогать.

Этот принцип выстроился за несколько дней до встречи с Вертилой. Как она забрела на нижний уровень Нижнего Города, где устраивались бои, она не поняла. Видимо, в очередной раз заблудилась. Бои ей всегда не нравились, как и драки, – от них становилось плохо и тошнило. Кастрюля старалась сбежать подальше от шума и криков.

Но не в тот раз. На ринг вывели худого высокого парня. Всего в ранах и кровоподтеках. В его глазах темнела пустота, разливаясь и за пределы глаз. Он еле стоял на ногах, а все скандировали: «смерть». Слово режущее, болезненное, ужасающее. С каждым прилетающим кулаком в тело лежащего на земле парня Кастрюля видела алые всполохи несправедливости.

Она проследила за тем, как умирающего парня закидывают в клетку, наполненную нечистотами, как плюют на его избитое тело. Когда все разошлись, обсуждая куда будут девать тело, Кастрюля пробралась к решеткам и взглянула на корчащегося от боли парня. Тело открыло глаза и сжало челюсти. В тех глазах ярко пылало упорство. Парень хотел жить, он боролся, несмотря ни на что.

Кастрюля украли его, притащила в нору, где оставалась жить одна после исчезновения мамы. Она попыталась упрятать его в норку, но он не влез. Она оставила его на полу, накрыв тряпьем. Каждый день она носилась по Городу-4, воровала еду и лекарства. Каждую ночь она сидела, прижавшись к перепонке двери, и тряслась, ожидая, что парень умрет или кто-нибудь за ним придет.

Никто не пришел. Вертила выжил. А после раскормился, восстановился, начал тренироваться. За короткое время он вернул мышечную массу и стал в разы больше и сильнее Кастрюли. Но Кастрюля боялась. Каждый раз, выходя из норы, она боялась за Вертилу. Каждый раз, возвращаясь в но-

ру, она боялась, что его нашли, избили, убили или сделали что пострашнее. Каждый раз, когда они выходили вместе, ее сковывал страх, что Вертилу обидят, а она не сможет ему помочь. Каждый раз она старалась упрятать его в норку, но он не помещался.

За Вертилой в жизни Кастрюли появился Сова, а потом уже и маленькая Ранника. И несмотря ни на что, Кастрюля старалась их спрятать, укрыть, спасти от ожесточенного внешнего мира, глубоко под землей, в заброшенном туннеле, в далекой норе, в еще меньшей норке.

– Ты не обижайся на них, – к Кастрюле подошел Сэдрик Ванядурак и потрогал рукой ножку гриба. Чешуйницы, заметив старика, поспешили удалиться за свои укромные пластины. – Они переживали за тебя, вот и пошли.

– Вам-то что? – Кастрюля окинула взглядом суховатую фигуру.

– Вы меня спасли, и у нас впереди много работы. Мы должны быть дружны, чтобы все получилось.

– Они вам уже рассказали? – удивилась Кастрюля.

– Нет, – Сэдрик Ванядурак провел рукой по седой длинной бороде, опираясь спиной на ножку гриба. – Но я сам догадался, зачем вам я.

– Да? – удивилась Кастрюля. – И зачем же?

– С моими знаниями и вашими способностями мы изменим мир. Свергнем процветающую тиранию и избавимся от страданий, сотрем с лица Земли чипы, уничтожим комму-

никиторы, научим людей жить по-другому. Даруем всем свободу, – воодушевленно начал Ванядурак, глядя горящими идеей глазами в разноцветное предзакатное небо. – Мы возродим коммунизм! Мы создадим настоящий мир! Заживем, как...

– Коммунизм? – непонимающе переспросила Кастрюля.

– Коммунизм, – Сэдрик Ванядурак протянул руку ладонью вверх по направлению к скрытому за холмами Городу-4. – Социальное равенство, где нет деления на классы, не существует денег. «От каждого по способностям, каждому по потребностям» – великий лозунг прошлых лет, тех людей, что населяли Землю в прошлые времена и жили в гармонии с собой и природой.

– Коммунизм? – помотала головой Кастрюля. – Какой коммунизм?

– Как какой? Этим прогнившим миром правят вещи и деньги. Когда мы все наладим, имущество будет общим, деньги перестанут существовать. Люди смогут работать и устраивать свою жизнь, как захотят. Труд не будет принудительным, жители будут делать все по своему желанию и наслаждаться этим, стремиться к развитию, к обеспечению...

– А сейчас им что мешает? – перебила Кастрюля.

– Совет Объединенных Городов, – взмахнул рукой Сэдрик, – что захватил все сферы деятельности и диктует, как кому жить.

– Люди и так живут, как хотят, – Кастрюля поднялась со

мха. – Никто им не приказывает жить бедно.

– Ты еще юна и глупа.

– А вы слишком много фантазируете. Кто заставляет людей употреблять алкоголь или ловить глюки и подсаживать на них невинных людей? Кто их заставляет лениться?

– Общественный строй, они не могут выбраться из замкнутой цепи, не могут противостоять власти, добиться успеха, поэтому сдаются. Ломаются. Люди не рождаются плохими, они становятся такими. А становятся, потому что вокруг такой мир. Не все такие, как вы. Вы выбрались из грязи и стараетесь жить по правилам, приносить пользу. Это и нужно показать остальным.

– Кто вам сказал, что мы хорошие? – усмехнулась Кастрюля, направляясь к убежищу, под лучами заходящего солнца.

– Я много прожил и могу видеть в людях истину, – заносчиво ответил Сэдрик Ванядурак, догоняя Кастрюлю. – Ты даже меня спасла, рискуя быть пойманной. А тебя и поймали. Ты могла умереть. Ты поставила мою жизнь выше своей. Я благодарен! И теперь я твой должник. Да, ты отделалась сломанным носом и сотрясением мозга, но ведь могла и умереть. И все ради меня, ради тех знаний, которые я готов подарить этому миру, ради общества, что жаждет спасения.

– Вы заблуждаетесь. Никакое общество не жаждет спасения. И спасала я вас не ради коммунизма какого-то, не на благо людей.

– А зачем же? – Сэдрик Ванядурак замер.

– Да я и не спасала, – призналась Кастрюля, не оборачиваясь на старика. – Вы у меня в плену.

– Что? – старик схватился за грудь, где, по его мнению, раньше билось, а сейчас остановилось сердце.

Кастрюля молча пошла дальше, оставляя Сэдрика Ванядурак под темнеющим небом в прошлом районе. «Коммунизм», – усмехнулась мысленно Кастрюля. Что-что, а менять мир она не собиралась. Идти по стопам матери, рисковать жизнью ради тех, кто в этом не нуждается. Ну уж нет. У Кастрюли уже был опыт чужих и своих ошибок, чтобы окончательно убедиться, что изменить мир невозможно, как и людей его населяющих.

Коммунизм, чем бы он ни был, как бы его ни описывал Сэдрик Ванядурак, как бы ни рисовал в своем воображении и не пытался заронить его зерно в душу Кастрюли, уж точно неприменим в жизни. Кастрюля считала, что Совет Объединенных Городов относился даже слишком лояльно к своим жителям. И Кастрюля хорошо знала, что она не положительный герой, не хороший человек. Все ее поступки имели свои мотивы и объемную долю эгоизма. Она, как и все жители, населяющие планету после Эпизода «Упс», не делала ничего, что не принесло бы пользу именно ей.

Кастрюля зашла в убежище и опустилась на пол, напротив входа, чтобы проводить уходящее на покой солнце, полюбоваться небом, пока это еще возможно. Ранника тут же юркнула ей под руку. Сова не выходил из коммуникатора, о

чем свидетельствовали затуманенные глаза. Вертила сопел в стороне, виновато поглядывая на Кастрюлю.

– Я не обижаюсь, – сказала ему Кастрюля. – Просто тяжелый день.

– Я ничего такого не имел в виду, – Вертила почесал затылок.

– Я поняла, – кивнула Кастрюля. – Закроем тему.

– А где Сэдрик Ванядурак? – спросила Ранника. – Он за тобой пошел.

– Ага, а то уже темнеет, скоро нужно будет закрывать, – выглянул из убежища Вертила в поисках старика.

– Придет, – уверенно сказала Кастрюля.

– Ты ему сообщила? – не выныривая из коммуникатора, спросил Сова, как всегда успевающий и слушать товарищей, и получать новую информацию из сети.

– Почти, – уклончиво ответила Кастрюля.

– Та-ак, – растянул Сова, все-таки выходя из коммуникатора, и что ты ему сказала?

– Да все нормально. Правда.

– Кастрюля, ты не краснослов, что ты сказала?

– Краснослов? – переспросил Вертила. – А это как?

– Это точно не как Кастрюля, – закатив глаза, пояснил Сова. – Да и не как все вы.

– Я сказала, что он наш пленник, – пожала плечами Кастрюля.

– Ты что сказала? – подскочил Сова.

– Правду.

– Ты в своем уме? А если он сбежит? Все в пустую? Эти поиски, то, как ты взламывала вентиляцию его бункера, как протискивалась через узкие ходы. А тюрьма? Да тебя чуть не казнили из-за него. И все гвардейцы и политики теперь знают, как ты выглядишь!

– Они же сказали, что казнили ее, – перебил Вертила. – Казнь же состоялась. Судью представили как Кастрюлю.

– Да, и без наряда Судью невозможно было отличить от дешевого наемника, – согласилась Ранника.

– Это сделали для людей, простых жителей, чтобы показать им, что гвардейцы не пустое место. Но они-то продолжают ее искать. Все патрули на ушах, наемники точат клинки, а Военачальник собирает отряды. Они теперь знают, кто такая Кастрюля. Они уверены, что позавчера взяли ту самую. И теперь... Как вы не понимаете? Мы были так близки!

– Он вернется, – тихо сказала Кастрюля.

– С чего такая уверенность? – не стихал Сова.

– Просто знаю.

– Не может быть просто! Нельзя знать такие вещи.

– Я отказываюсь быть вашим пленным, но эту ночь проведу здесь, – заявил Сэдрик Ванядурак, протискиваясь в окно убежища. – Закрывай быстрее, они вылезли! – крикнул он Вертиле, пытаясь сдвинуть тергит.

Мистер Черный Крафт

– Нет! Нет, нет, нет и еще раз нет! – тряс бородой Сэдрик Ванядурак. – Ни в коем случае. Нет!

– Вы не можете отказаться, – пожалала плечами Кастрюля.

– Я уже отказался.

– Мы точно знаем, что вы с ним тридцать лет назад были связаны, – подал голос Сова, выуживая информацию из коммуникатора. – Вот здесь написано, что тридцать лет назад Сэдрик Ванядурак создавал партию «Созвездие капитализма».

– Это не отрицаю. Признаю ошибку, – кивнул Сэдрик Ванядурак. – Но никакого Мистера Черный Крафт я не знаю.

– Через несколько месяцев после создания, – продолжил читать Сова. – Сэдрик Ванядурак закрыл свою партию по необъяснимым причинам и исчез.

– Понял, что мои взгляды на жизнь были не верны.

– С этого же момента по разным источникам Сэдрик Ванядурак признан политическим преступником. Так... Штрафы, ну это понятно. А-а, вы оплатили штрафы? – поднял кустистые брови Сова.

– Оплатил, как порядочный член общества, – гордо вскинул голову Ванядурак.

– Кто-то платит штрафы, представляешь, Кастрюля? – расхохотался Вертила.

– Не вижу в этом ничего предосудительного, – Сэдрик Ванядурак отвернулся от ребят.

– Вы боретесь с режимом и ему же платите, – усмехнулся Сова. – Общественные работы, с которых был уволен за несоблюдение трудового распорядка. Порядочный человек...

– Загонять тараканов! – вскрикнул Сэдрик, поворачиваясь обратно к ребятам. – Ловить мух! Отбиваться от мошкеры! Да вы хоть представляете, что это такое? Это рабский труд. Невыносимый!

– И кто вас во все это вогнал? – перебила Кастрюля.

– Это все мои ошибки, – выпучив глаза, громко кричал Сэдрик Ванядурак. – Я был непросветленным человеком, совсем, как вы. Только постарше. Я шел в ногу с режимом, пользовался людьми, потреблял то, что так тяжело добывается другими, не задумывался о жизни других людей, того нуждающегося населения. Совет мне платил деньги, продвигал. Я работал на верхи верхов и гнал людей, как мух на убой.

– Мистер Черный Крафт поменял ваши взгляды? – натолкнула Кастрюля.

– Это был великий человек! Его познания мира, людей, философия, о которой сейчас никто не знает. Как он разобрался во всем абсолютно. Он изменил меня, изменил мою жизнь и мои понятия. И все, что последовало за этим, лишь подтвердило то, что он был во всем прав. Коммунизм – верх эволюции и человечности!

– А что такое конума... комуно?.. – с широко раскрытыми глазами спросил Вертила.

– Где вы с ним встретились? – цыкнув на Вертилу, уточнила Кастрюля.

– Он нашел меня сам. Такие люди появляются в твоей жизни самостоятельно. Только так.

– И он не оставил каналов связи? – аккуратно спросил Сова.

– Это неважно, – Сэдрик Ванядурак опомнился. – Все это неважно. Мы не можем к нему идти.

– Значит, вы знаете, где он, – радостно улыбнулась Кастрюля.

– Нет! Ничего я не знаю! – снова запротестовал Сэдрик Ванядурак. – Ни-че-го-шень-ки!

– Так что такое это ваше каммананизм? – не выдержал Вертила.

– Превеликие Градостроители, – Сэдрик Ванядурак сел на мох, устилающий пол убежища. – Коммунизм – это...

– Не время, – перебила его Кастрюля. – Рассказывайте, где Мистер Черный Крафт.

– Нет! – помахал головой Сэдрик Ванядурак. – Хоть пытайте меня – ничего не расскажу.

– Ранника, – позвала Кастрюля девочку, тихо следившую за разговором, сидя у входа в убежище. – Иди к Сове.

– Не надо, – плаксиво попросила она. – Дедушка уже очень старый, он не выдержит!

– Что не выдержу? – Сэдрик Ванядурак тут же подскочил, отходя спиной к стене.

– Ранника, мы чуть-чуть, – не обращая внимания на Сэдрика Ванядурак, продолжила Кастрюля.

– А если он умрет? – всхлипнула Ранника.

– Если дедушка умный, то не умрет, – улыбнулась Кастрюля.

– Что вы задумали? – дрожащим голосом спросил Сэдрик Ванядурак, следя за тем, как Ранника, опустив голову, плетется к Сове, а на ее место направляется Вертила.

– Небольшую прогулку, – ухмыльнулся Вертила. – Вы мне как раз расскажете, что такое это ваше...э-э... то, что на «к».

– Какую прогулку? Там же твари! – залепетал Сэдрик Ванядурак. – Вы не посмеете, я уважаемый человек! Я старший! Я умный!

– А какой смысл в прогулке без тварей? – невинно улыбнулась Кастрюля.

– Дедушка, скажи им, – попросила Ранника дрожащим голосом, прячась за спиной Совы.

– Вы не сделаете этого! – вскрикнул Сэдрик Ванядурак, вдавливаясь в стену.

Верила поднапрягся, слышался скрип тергита и громкий плач Ранники.

– Хорошо! Хорошо! – закричал Сэдрик Ванядурак. – Он в Городе–22. Мистер Черный Крафт в Городе–22!

Вертила отошел от тергита. Ранника без признаков слез

вернулась на свое место. Кастрюля и Сова переглянулись.

– Город-22, – прошептала Кастрюля.

Город-22 считался миражом и вымыслом, о нем ходило много разговоров, но оттуда не поступали сообщения, не передавалось файлов, не приходили люди. Город-легенда. Город, о котором даже уже не говорили. Город, в котором жили животные. Город, в котором были деревья. Город, сохранивший прошлое и перенесший его в настоящее.

– Города-22 не существует, – буркнул Сова, снова погружаясь в коммуникатор.

– Я говорил, Мистера Черный Крафт невозможно найти, он появляется сам, – вздохнул Сэдрик Ванядурак, сползая по стене на пол, рассматривая предательницу Раннику, что так хорошо подыграла товарищам.

– Существует, – уверенно ответила Кастрюля.

– Это сказка, – покачал головой Сэдрик Ванядурак.

– Нет, – Кастрюля поднялась с пола и подошла к Сове. – Посмотри между двенадцатым и пятым, на юг, через сладкие поля и водопады крови.

– Пустыня безумцев, – через некоторое время ответил Сова, вода замутненными зрачками. – На восток от нее, – воскликнул он, подскакивая. – Скрыто. Неужели? Это он? Город-22?

– Скорее всего, – расплылась в улыбке Кастрюля.

– Не может быть! Он существует! – закричал Сова, подпрыгивая с места.

– Вы ошибаетесь, – остудил их Сэдрик Ванядурак. – Город-22 – сказка для всех нас. Его нет. Он просто не может существовать. Я прожил долгую жизнь и уже в мою молодость знали, что Город-22 придумали, чтобы мы могли строить себе иллюзии, верить во что-то большее.

– Я ела яблоко, – в тишине проговорила Кастрюля, вспоминая яркий зеленый шарик.

Сборы

Кастрюля быстро скидывала в рюкзак вещи: запасная мантия, вода, целый новенький коммуникатор на случай связи, немного еды⁴¹, репеллент после недолгих раздумий тоже отправился в рюкзак. Оружия у Кастрюли не было, но это и к лучшему. С оружием ей не везло, ту пару раз, когда оно оказывалось у нее в руках, оно ранило исключительно Кастрюлю, не принося вреда окружающим.

– Все придерживаемся плана, – повторяла она, мотаясь от одного угла комнаты к другому. – Вы пробираетесь в Город-4, находите заброшенную норку в Нижнем Городе и сидите там, пока все не уляжется.

– Пока все не уляжется, – вторил Вертила, шагая за Кастрюлей по пятам.

– Мы не можем идти, – по их следам шествовал Сэдрик Ванядурак, объясняя, как неразумно идти в путь по измененному миру. – Ладно еще от Города до Города, на тысяченожках, по проверенным и безопасным путям. И то, там тоже бывали случаи. Вот недавно, слышали? На караван тысяченожек напали...

– Когда все стихнет, вы продолжите свою жизнь. Не будете

⁴¹ Еду можно найти и по дороге. Грибы растут везде, а уж тараканы ножки после бурной ночи можно обнаружить в каждом прошлом районе. В любом случае еще есть невкусная мошка, которую жалко.

влезать ни во что, пока я не вернусь.

– Ни во что, – погрозил пальцем Вертила, останавливаясь напротив застывших Сова и Ранники.

– Стаи мух, они загрызли всех торговцев, разнесли тысяченожек по всему свету, а это было даже не рядом со сладкими полями, – продолжал Сэдрик Ванядурак.

– Если я не вернусь, вы просто продолжаете жить. Мирно. Не ссорьтесь с наемниками. Сова, ты отдашь Раннику в школу, ты сможешь заработать, я в тебя верю. Только правильными путями. Зря не рискуйте.

– Да! Не рискуйте, – кивнул Вертила, сурово глядя на ребят.

– Риски! А несколько месяцев назад, когда дожди были. Помните? Дождевые черви прорыли подземные тоннели, которые обрушились, погребая под завалами фермеров с божьими коровками. Сколько погибло? Да вы не представляете, куда собираетесь! А это произошло недалеко от Города, что под защитой Души, репеллентов, гвардейцев и стен с сеткой!

– Вертила, ты отвечаешь за них, – Кастрюля резко остановилась, пригвождая Вертилу взглядом. – Чтобы ни один волосок!

– Отвечаю, – кивнул Вертила. – Слышали? Чтобы ни один волосок!

– Комары, пауки, лягушки! Да много кого! Те же тараканы – ничто, по сравнению с остальными.

– Сова, не дай Вертиле ни во что вляпаться. Я понимаю, что вы не очень находите общий язык и все такое, но...

– Я прослежу, – недовольно буркнул Сова.

– Он проследит, – снова кивнул Вертила.

– А кто за нами проследит? – воскликнул Сэдрик Ваня-дурак. – Превеликие Градостроители! Да что же это такое происходит, вразумите их!

Кастрюля сверилась с часами. Рассвет давно уже наступил. Ночью она пыталась выспаться перед долгой дорогой, но волнения не отпускали. Мысли о ребятах и о дороге. Всевозрастающая паника, страх. Как обычно, не за себя.

Сова тоже не спал, периодически мониторя и оповещая остальных о том, что планирует Совет, как продвигаются поиски Кастрюли. Что их уже связали с Сэдриком Ванядурак и ищут любого, кто что-то видел или слышал. Простые жители Города-4 молчат, не сдают Кастрюлю. Но это пока. Все может измениться. Наемники уже делят шкуру неубитой Кастрюли, тратят авансы и уничтожают соперников. В Городе-4 разгоралась буря, пока тихая и незаметная для большинства, но уже скоро все изменится.

Ранника пыталась всех успокоить, настраивала на оптимизм, вспоминала в скольких передрягах они побывали и как успешно все вместе из них выбрались. Она рассказывала одну историю за другой, приукрашивая, а в каких-то местах и вовсе привирая. Но настолько воодушевленно, с ярко горящими глазами и с непоколебимой верой, что паника поне-

многу стихала. У всех, кроме Сэдрика Ванядурак, который всю ночь бормотал что-то себе под нос, забившись в угол убежища, подальше от тергита, закрывающего вход.

Ночные твари тоже чувствовали: что-то должно произойти. Они с утроенной силой сражались друг с другом, скрипели, клацали и стучали, пытались сместить тяжелый тергит, добраться до притаившихся за ним стучащих теплой кровью сердец.

Не спал никто, кроме Вертилы. Паника и страх с возрастом и умом к нему так и не пришли. Он наивно верил в хорошее и видел во сне снег, который раздают коммунисты людям. Каждому столько, сколько захотят. Снег был сладким, как молоко божьих коровок. Или как то варенье из прошлой эпохи. А коммунисты были облачены в металлические латы, как рыцари из сказок, что давным-давно Кастрюля рассказывала Раннике, а Вертила подслушивал. Ему было хорошо. С приходом Кастрюли в его жизнь к нему пришли и сны. Пускай порой он их не понимал, но каждый сон был все ярче и насыщеннее, вселяя в Вертилу уверенность, что все идет так, как и должно.

– Я за всеми прослежу, – Вертила хлопнул Сэдрика Ванядурак по спине, широко улыбаясь. – Не бойтесь, я никого не дам в обиду. Чтобы ни один волосок!

– Ты остаешься, – буркнула Кастрюля, затягивая плотные шнурки на массивных ботах. Боты были совсем новые, честно украденные и невероятно удобные. Кожа клопа как никак.

– Вы остаетесь, – Вертила снова хлопнул Ванядурак по спине так, что тот еле устоял на ногах.

– Не он, а ты, – поправила его Кастрюля, накидывая рыжую мантию на плечи. Мантии из типутуни сохраняли тепло, не давая носителям замерзнуть в любую погоду. Так же хорошо они справлялись и с жарой.

– Я? – Вертила широко раскрыл глаза и почесал затылок. – Не, я иду с тобой.

– Нет-нет. Я же говорила, вы все идете в Город и на время, пока все не уляжется...

– Нет, – перебил Вертила, вытягивая неизвестно откуда огромный рюкзак. – Я иду с тобой. Я уже давно вещи собрал. Еще полгода назад.

– Нет, – устало покачала головой Кастрюля, оценивая рюкзак Вертилы, что превосходил ее ношу во много раз. – Ты следишь за Ранникой и Совой.

– Я тебя не оставлю, – упрямо возразил Вертила и с легкостью закинул ношу на плечи.

– Я тоже иду, – подхватила его Ранника.

– Нет, – хором крикнули Кастрюля и Сова.

– Без меня вы не справитесь, – прогундел Вертила, обиженно глядя на Кастрюлю. – Ты обещала, что мы вместе. Всегда. Несмотря ни на что.

– Мы вместе, – Кастрюля безнадежно развела руками. – Но вы должны остаться, вы не можете идти туда.

– Ты не пойдешь без меня, – Вертила встал у выхода из

убежища, скрестив руки на груди.

– И без меня, – Ранника подбежала к Вертиле, перекрывая выход.

– Ранника, ты точно остаешься, – подал голос Сова. – А вот Вертила бы вам не помешал.

– Я иду, – топнула ногой Ранника.

– Нет! Ты остаешься со мной! – строго повторил Сова.

– Ты не можешь за меня решать, – крикнула Ранника, глотая слезы. – Я уже взрослая. Кастрюля меня спасла. Кастрюля меня забрала, и я пойду с ней.

– Нет, – Сова дернул Раннику за руку, пытаясь убраться с дороги. – Тебе еще рано уходить из Города-4.

– Я согласен. Нам всем рано, – тихо сказал Сэдрик Ваня-дурак, но его уже никто не слушал. Как и до этого.

– Не тебе решать, что мне рано, а что нет, – крикнула Ранника, выдергивая руку и растирая слезы по щекам. – Ты мне никто! А Кастрюлю я не брошу!

– Я твой старший брат! И я имею право решать, – сорвался Сова на крик. – Мы остаемся!

– Ты мне не брат, – помотала головой Ранника, прижимаясь к Кастрюле. – У меня нет брата.

– Ранника, он не обманывает, – тихо произнесла Кастрюля, присаживаясь перед девчушкой.

Начало пути

Сэдрик медленно плелся среди разномастных холмов, заросших мхом и покрытых грибами. Солнце ярко светило в лицо и припекало лысеющую макушку, пробиваясь сквозь одинокие седые волоски, но Сэдрику было холодно. Все внутри леденело от окружающего пейзажа и от представления будущей гибели в опасных районах, не защищенных ни стенами, ни колотушками, ни подметаллической сеткой, ни Душой Градостроителя. Периодически на пути попадались продукты жизнедеятельности тараканов, так напоминающие еду Нижнего Города, и части тел насекомых: гниющие лапки, на которые слеталась мошкара, противно пожжуживая и хлопая крыльями, погрызенные тела, пустые блестящие на солнце глаза, взирающие с откусанных голов, бугристые обломки усиков, одним из которых Сэдрик воспользовался, как тростью.

Сэдрик был недоволен, но высказаться не мог. Не было сил. Вся ночь прошла в попытках убедить глупых подростков в опасности их затеи, а утро – в криках и спорах, в которых решалось, кто пойдет в пресловутый Город-22. В том, что они туда пойдут, никто не сомневался, как бы Сэдрик ни пытался им доказать всю безнадежность данной затеи. То, что Сэдрик точно идет с ними, тоже было решено, без его участия. Здесь не помогли ни возраст, который, как считал

Сэдрик, должны были уважать, ни слабые суставы, доставляющие много проблем, ни отсутствие руки, что не позволит спасти их при нападении тварей. Сэдрика не слушали.

Сэдрик Ванядурак родился в далеком 2155 году. Еще до появления и обоснования на своих позициях Совета Объединенных Городов. Главы городов начнут объединяться только через пять лет, а к полной власти придут лишь в 2187 году. До появления Совета Объединенных Городов мир находился в хаосе и разрозненности, во всяком случае, так теперь передают по новостям и рассказывают в школах.

Сэдрик Ванядурак считал, что это были одни из самых счастливых лет его жизни. Люди обустроивали быт, охотились на мясистых тараканов, ставили ловушки на комаров и доили божьих коровок. У каждого находилось, чем прокормить свою семью, что обменять и чем заняться.

Сэдрик родился в Верхнем Городе. Их комнатка располагалась на восьмом этаже одной из многоэтажек. Жить там могли себе позволить торговцы, фермеры или охотники. Его родители имели свой загон с божьими коровками, что выдавали большое количество питательного сладкого молока. Однако восьмой этаж не считался почетным. Слишком близко к сетке, рядом с опасностью, недалеко под гулом ночных насекомых.

Единственной мечтой Сэдрика и его родителей было перебраться на несколько этажей ниже, туда, где живут самые почетные, богатые и уважаемые люди Города-4.

Со становлением Совета родители Сэдрика поддержали новую форму правительства и во всем ему помогали. Осуществление мечты на переселение вниз стремительно приближалось. Поговаривали даже, что отец Сэдрика может стать главным казначеем Города-4. Дела семейства Ванядурак шли в гору.

Сэдрик себе ни в чем не отказывал. Он мог учиться в лучших школах, ходить в красивой модной одежде, есть только самое свежее и вкусное: тартар из филе дикраноцевала, окорок задней лапки таракана, остро-кислый суп из рыжего муравья. Сэдрик кривился, видя, как кто-то на улице ест белковый батончик из брюшка таракана, вскрывает консервы из фарша клопов или глотает белесые части маринованных опарышей. Сэдрик, если уж быть полностью честными, никогда не спускался в Нижний Город, ему это было и не нужно.

Сэдрик рос в идеальном мире. В мире, где все равны, а капитал стоит во главе. В школе им объясняли, что в Нижнем Городе живут бездельники, падаль, никчемные люди. Сэдрика оберегали, ему не показывали плохой жизни и дурных компаний, позволяли делать все, даже непозволительное⁴². Но на это непозволительное у него не хватало смелости и сил. Он никогда не ввязывался в драки, не прикасался к неизвестным веществам, избегал плохих компаний, погружаясь больше в познание мира прошлого.

Сэдрик был слаб, но имел железные принципы. Одним из

⁴² Конечно, в рамках позволенного.

таких принципов было не идти ни у кого на поводу, но он его постоянно нарушал.

Когда в моду вернулись вылазки в прошлые районы, трусливый подросток не смог устоять перед убедительными разговорами своих немногочисленных друзей. Стараясь казаться таким, каким он себя считал, Сэдрик пару раз выбрался в прошлый район, но вскоре нашел безбашенных лазутчиков и давал им заказы, выставляя их находки за свои перед компанией друзей.

Когда Сэдрик Ванядурак повзрослел и стоял перед выбором карьеры, он точно знал, что станет историком. Он лелеял мечту изучать писания прошлого, читать книги того времени, рассказывать о них молодому подрастающему поколению. Он должен был стать светилом, собирать залы, быть в центре внимания. Но его подтолкнули к политике. В сторону пятого этажа, туда, где жили помощники Советника, туда, где не страшны ни наземные существа, ни воздушные. Туда, где ничего не надо делать, лишь только наслаждаться жизнью.

Когда Сэдрик строил карьеру капиталиста, открывал свою партию, старался стать лидером мнений по наводке Совета, он встретился с Мистером Черный Крафт. Он рассказал и показал Сэдрику жизнь. Настоящую, не ту сладкую, как папотник, не ту нежную, как облака на ясном небе, не ту, которую Сэдрик привык видеть через призму воспитания. Он увидел, как Совет сгоняет неудобных под землю, как сле-

дит за каждым, поощряя наемников, нанимает воров, распространяет глюколовителей.

Когда Сэдрик Ванядурак избрал путь коммуниста, истинного и не сбываемого, он пал. Сэдрик не умел действовать тайно, объединять людей, вести их за собой. Все его акции оказывались провальными, а агитации попадали в руки только гвардейцам. Сэдрик Ванядурак оказался дураком, от которого стремились избавиться, но не сильно. Он был показательным, его хотели покарать на публику. За ним гонялись, но не шибко, снимали на камеры, транслировали по коммуникаторам. Он стал оппозиционером, в мире, где нет оппозиции.

Он был контентом, что не воспринимают всерьез. Он стал шутком, которым заполняют эфир. Но Сэдрик искренне верил, что за ним и его учениями стоит будущее. У него все получится. Он свергнет режим тирании, сменит власть, изменит людей, и на Земле воцарится новая жизнь в гармонии и равенстве. Все, как завещал Мистер Черный Крафт.

Год за годом Сэдрик Ванядурак боролся за свою идеологию, так и не обретя поддержки со стороны людей. Его одинокие лозунги посреди площади уже не вызывали былого ажиотажа, не собирали людей, не приковывали взгляды камер. Сэдрика знали практически все, но больше как сумасшедшего. Родители от него отвернулись практически сразу же, как Сэдрик отказался от мечты о пятом этаже.

Сэдрик старел, веря в то, что все еще впереди. Он скры-

вался, убежал и прятался. Писал листовки, рисовал на стенах, вел свой канал в далеком уголке интернета. У него даже появилась пара зрителей, горячо спорящих под постами.

Сэдрик строил бункер. Не слишком глубоко, не очень далеко, не сильно отстраненно. Его паранойя возрастала прямо пропорционально тому, как утихало внимание к нему. Поймать Сэдрика Ванядурак было забавой для молодых гвардейцев. В барах после десятка алкогольных капсул они делали ставки, кто и сколько раз в следующий рабочий день поймает сумасшедшего. Ставки были невелики, азарт мал, но ради развлечения его все равно искали.

И вот, когда всем стало абсолютно все равно на Сэдрика Ванядурак, когда все начали о нем забывать, Сэдрик ясно понял: запахло жареным. Двигаться дальше было опасно, его жизнь висела на волоске. Сэдрик затаился. Закрылся в бункере, где провел долгий пустой день, решаясь срезать кусочек кожи с идентификационным кодом со щеки. Длительное время он сидел у зеркальной поверхности подметалла и сквозь слезы разглядывал зажатый в дрожащей руке нож. Но он справился. Код был удален. Пускай не полностью, пускай неровно. Но царапина была глубокой, кровь лилась ручьями, разбавляя слезы.

Стоило только Сэдрику Ванядурак отойти от боли, взяться за привычное написание очередного плана по совершенствованию мира, как ниоткуда на его голову свалилась Кастрюля.

Именно тогда, в тот момент, когда Сэдрик понял, что его не убьют, в нем снова зажегся светлячок надежды, разгорелась искра, родились идеи, выстроилась будущая жизнь. Он нашел своих последователей. Ту молодую кровь, что он возглавит и приведет к светлому коммунизму, к утопии, о которой когда-то ему поведал странный человек с бархатным голосом и ясными глазами – Мистер Черный Крафт.

Но жизнь снова сыграла с Сэдриком странную штуку. Он теперь в плену. В плену у детей, что настроены найти мифический Город-22. Сэдрик Ванядурак с железными принципами, никогда не переступающий свои цели, шел, понуриив голову, за Кастрюлей. Сзади шмыгал носом Вертила. А по сторонам задумчиво шагали Ранника и Сова, между которыми возникла странная ссора.

Сэдрик Ванядурак никогда бы не покинул безопасность Города-4, он ни за что бы не подверг себя риску, не ринулся бы в путешествие, не бросился на встречу приключениям. Но он шел вперед, навстречу неизвестности, оставляя позади себя мечту о коммунизме, о совершенствовании мира, о свержении тирании, воздвигая новые планы, вспоминая все, что ему говорил Мистер Черный Крафт.

Кастрюля была ненадежной. Ее сумасбродство, необузданность, шаткость положения в пространстве и неподготовленность подвергали опасности жизнь Сэдрика. Кастрюля была ему необходима. Если они, конечно же, дойдут, если Мистер Черный Крафт и вправду...

– Где вы потеряли руку? – разбавил тишину Вертила.

– Это неважно, – Сэдрик одернул пустой рукав мантии, пытаюсь спрятать отсутствие конечности.

– У меня вот зубов нет, – Вертила продемонстрировал вставную челюсть, вынув ее изо рта. – Фне вна бояф фыбили. А фэти мне Кастрюфля подарифла.

– Что? – ужаснулся Сэдрик, разглядывая белоснежный ряд зубов на шершавой ладони Вертилы.

– Мне на боях выбили, – Вертила вернул зубы на место. – Практически в самом начале. Я был крупнее других пацанов, поэтому меня ставили сражаться со взрослыми.

– Ты учувствовал в боях? – вздрогнул Сэдрик. – Сколько же тебе лет?

– Двадцать скоро будет, так Кастрюля сказала.

– А сам ты не знаешь? – приподнял бровь Сэдрик.

– Не-а, я считать не умею.

– Бои же запрещены, – пробормотал Сэдрик, отпинывая с дороги грибокамень.

– Гы-гы-гы, – рассмеялся Вертила, спугивая стаю мошек, пирующих на останках насекомых. – Гвардейцы и политики делают больше всего ставок: если бы не они, бои бы загнулись.

– Ужас, – махнул бородой Сэдрик. – И вы все еще не хотите изменить этот мир?

– А у меня нет мизинца на ноге, – доверительно сообщила Ранника. – Хотите покажу?

– Ты его тоже на боях потеряла? – вздрогнул Сэдрик.

– Нет, – звонко рассмеялась Ранника. – Мне муравей откусил.

– Муравей? – переспросил Сова. – В медкарте же писали, что ты отдавила лежанкой...

– А ты и мою медкарту изучил? – разозлилась Ранника и, топнув ногой, побежала вперед к Кастрюле.

– Так ты ее брат? – спросил Сэдрик у Сова. – Как так получилось? Я хорошо знал Канцлера и не припомню, чтобы у него когда-нибудь был сын.

– А откуда у него взялась дочь, вы тоже не припомните? – зло ответил Сова, отходя подальше от Сэдрика и Вертилы.

– Лучше его не спрашивать, – шепнул Вертила, наклоняясь ближе к Сэдрику. – Хотите я расскажу про них?

– Хочу, – кивнул Сэдрик, чье любопытство не знало предела, если это не казалось опасным.

– А вы мне расскажете, как вы потеряли руку?

– Возможно, – пожал плечами Сэдрик.

– Сова, – Вертила наклонился к уху Сэдрика, – брат Ранники.

– Да-да, это я понял.

– Вот, – довольно улыбнулся Вертила. – Что с вашей рукой?

– Да что же это такое, – вздохнул Сэдрик, смотря на лучезарную улыбку Вертилы. – Как так получилось?

– Что? – озадачился Вертила.

– Что Ранника и Сова сестра и брат.

– Наверное, у них были одни родители, – почесав затылок, ответил Вертила.

– Канцлер?

– Что Канцлер?

– Канцлер – отец Сова? – еле сдерживаясь, спросил Сэдрик.

– Не, причем здесь он? Канцлер украл Раннику у матери Сова на рынке, когда та была совсем крошечной. Ранника, не мать. Мать была нормальных размеров. Ранника еще не ходила, поэтому не смогла сбежать.

– Канцлер украл... – повторил тихо Сэдрик, смотря за Ранниковой, идущей рядом с Кастрюлей.

– А мать он убил. Мать Сова, в смысле. Сова все видел. Но он тоже был еще маленьким и ничего не смог сделать.

– Канцлер убил мать Сова и Ранники? – переспросил Сэдрик.

– Вроде так, – кивнул Вертила. – Он хотел выкупить ребенка, но мать Сова не согласилась, тогда он ее убил, а Сова в это время отвлекся на коммуникаторы, вроде как. А когда увидел, было уже поздно.

– Почему же никто этого не видел? Ничего не рассказывали про это.

– Видели многие, но кто будет идти против Канцлера? Даже я это понимаю. Я бы тоже не смог, хотя я сильный.

– А их отец? – в голове Сэдрика не укладывалась вся жуть

произошедшего с этими ребятами.

– Сова сказал, что ему давно уже все равно. Он велел и Сове не лезть, но он не смог.

– Как же так? – не обращаясь ни к кому, спросил Сэдрик. Он знал, что мир, в котором он живет, несправедлив, ужасающий и далек от идеального, но что настолько...

– Он умный, – Вертила понял по-своему вопрос Сэдрика. – Он взломал видеонаблюдающих жуков в квартире Канцлера, в младшей школе Ранники, выкрал данные о здоровье из цифровой системы. Сова знал все, каждый шаг, что делала Ранника. Он следил и неоднократно пытался самостоятельно спасти сестру, но у него не получалось.

– Спасти от Канцлера? – спустя некоторое время, когда Вертила замолчал, уточнил Сэдрик.

– Да, – шмыгнув носом Вертила, утирая рукавом глаза. – Ей там было плохо. Такой маленькой крошке.

– Он ее...

– Он творил ужасные вещи. Кастрюля, не раздумывая, помогла Сове, когда он к нам обратился. С того времени мы вместе.

Сэдрик шел молча. Он устал. Ему ужасно хотелось спать. Прямо здесь и сейчас. Он не знал, что его так лишило сил: грустные разговоры, показывающие реальную жизнь горожан, или поход под солнцем по прошлым районам, что хранили в себе множество опасностей. Стараясь быть начеку и подавить сон, Сэдрик посмотрел в сторону понурого Совы,

шатающегося неподалеку и ковыряющего что-то, пробивающееся сквозь мох. Впереди маячила серая голова Кастрюли, что так пыталась выглядеть злой и бессердечной, хотя все ее поступки говорили об обратном. Рядом с Кастрюлей шагала Ранника, что-то бурчащая себе под нос. Справа шмыгал носом Вертила, растроганный своим рассказом или нескрываемой зевотой.

– Тля! – разнесся выкрик Кастрюли по округе, замораживая внутренности Сэдрика.

– Нет, – зачем-то прокричал Сэдрик, бросаясь на утек.

«Это конец! – стучали у него в висках удары сердца, набирая обороты, – Конец! Конец! Конец!»

Тля

Тля редко добиралась до Города-4. В основном она обходила его стороной. Наверное, где-то на генетическом уровне у насекомых была записана информация, что вокруг Города-4 их ждут фермы божьих коровок. А может, им не нравился запах, точнее смрад, что источал Город на многие километры вокруг. Смрад был привычен жителям. Они его уже не замечали, возможно, тоже генетика постаралась. Распылители репеллентов работали исправно, вот уже долгие годы отравляя не столько насекомых, сколько горожан. Да и никто не отменял волшебное свойство Души Градостроителя, которую почитали и уважали⁴³.

Но о тле говорили. Немногие путешественники, что изредка возвращались на свою родину, или пришедшие из остального мира в баре за стаканом экстракта клопа травили байки о черных тучах, которые передвигаются по безлюдным просторам и оставляют за собой зияющую пустоту. Что такое «зияющая пустота» они объяснить не могли из-за дрожи, которая активизировалась от воспоминаний.

Звук Кастрюля услышала раньше, чем заметила его источник. Непонятный шелест, словно от сотен развевающихся на ветру мантей или десятков отмоченных мягких кры-

⁴³ Ну вы-то уже поняли? Запомнили? Душа важнее всего. Главнее. Первооснова.

льев, развешанных на продажу у лавки Бургермистера⁴⁴. Она не сразу поняла, откуда доносится звук, он шел отовсюду, наполнял пространство, отражался от холмов, приглушал разговоры Сэдрика и Вертилы, усыплял и успокаивал. А потом на горизонте появилась небольшая тучка, скрытая холмами, запрятанная среди мха и грибов, так, что казалось, будто она только на небе.

Кастрюля поглядывала на приближающуюся тучу, сдерживая зевоту. Солнце приятно нагревало кожу, а ветер легко ее обдувал. Была та самая прекрасная погода: и нехолодно, и нежарко. Такая редкость. Ночные насекомые запрятались в свои гнезда, дневные – мирно шмыгали под ногами людей, мошкара не надоедала – ей тоже было лень. Так и тянуло прилечь на мягкий прохладный мох, зарыться в него пальцами, прикрыть глаза, всего лишь на минуту, поймать то блаженство, что веяло отовсюду.

Кастрюля уже выбирала подходящее место для привала, как заметила в одном из просветов холмов, что тучка стелется от земли, уходя столбом ввысь. Она находилась еще далеко, но уже было заметно что-то мельтешащее и сумбур-

⁴⁴ Лавка Бургермистера – самый древний и процветающий семейный цех, торгующая вымоченными крыльями, что становились мягкими и податливыми, словно шелк, о котором так упоительно писали и рассказывали люди прошлого в своих фильмах, позволила Бургермистеру жить на привилегированном четвертом этаже, здороваться за руку с Советником и открывать свои лавки в каждом Городе. Говорят, прапрапрадед того Бургермистера, тот, что первый Бургермистер, дружил с самими Великими Градостроителями. Почетнее Бургермистера были разве что только продавцы алкогольных капсул.

ное. Зевнув, Кастрюля отвернулась от надвигающейся тьмы, взглянув на Раннику. Девочка до красноты растерла глаза, на которых уже блестели капельки слез, она из последних сил сдерживала негу сна, старалась не быть слабым звеном компании, как назвал ее утром Сова.

Сова. Кастрюля оглянулась в поисках взъерошенного парня, но его нигде не было видно. Вертила, зевая во весь рот, продолжал засыпать Сэдрика вопросами. Или это Сэдрик из последних сил вел разговор, стараясь не заснуть.

Что-то было не так. Кастрюля чувствовала приближение опасности, но не могла понять. Глаза застилала мутная пелена, навевающая грезы о сладком сне. Казалось, все переживания Кастрюли – надуманные. Ничего не может произойти в такую славную погоду в таком красивейшем фиолетово-буrom месте.

Остановившись, Кастрюля еще раз взглянула на приближающуюся тучку, и в ее голове что-то щелкнуло. Мозг подал сигнал, рот сложил буквы, голос выкрикнул слово:

– Тля!

Услышав свой голос, Кастрюля очнулась. Кровь разогналась, наполнила сосуды, заставила сознание вернуться на свое место.

– Градостроители, – выдохнула Кастрюля, глядя, как Сэдрик Ванядурак заметался между холмами, задирая мантию. Вертила с любопытством смотрел на стремительно приближающуюся тучу, а Ранника безуспешно пыталась сдвинуть

его с места. Сова так и не объявился. – Сэдрик Ванядурак, остановитесь!

Сэдрик замер, с опаской оглянулся на Кастрюлю, за которой увеличивалась туча, накрывая их тенью.

– Где Сова? – спокойно спросила Кастрюля, сдерживая внутренний страх.

Все дружно оглянулись, высматривая лохматую голову.

– Он был там, – Сэдрик ткнул дрожащим пальцем в сторону.

– Возьмитесь за руки. Нам нужно найти Сову, – приказала Кастрюля и, запинаясь о мох, пошла куда указал Сэдрик.

– Но нам нужно прятаться, – взвизгнул Сэдрик.

– Без Совы мы не уйдем, – отрезала Кастрюля.

Ее ноги сами собой находили препятствия, спотыкались обо все, что можно и нельзя. Иногда она задевала твердые холмы, которые невозможно было задеть. Порой падала на ровном месте, мысленно ругаясь на неуклюжесть своего тела. Кастрюля упрямо искала друга. Хотя они не дружили.

Сова пришел к ним с Вертилой несколько лет назад. Он их разыскал и попросил помощи. Кастрюля, давшая себе слово никому никогда не помогать, решила ему помочь. Сова был богат, по их меркам. У него была квартира в Городе-4, небольшая, на самой окраине, под распылителями, но квартира. А Кастрюле с Вертилой негде было жить. В обмен на пристанище Кастрюля с Вертилой при помощи Совы спасли Раннику.

Девочке тогда только исполнилось пять лет. Прилежно одетая, по последнему слову моды, выхоленная и выглаженная Ранника вела себя как робот⁴⁵, о которых иногда показывали исторические фильмы. Ранника была рада, что ее забрали из богатого дома, и даже оказалась не против есть еду, что не имела никакого вкуса. В первые месяцы Ранника вставала по привычке ранним утром, застилала лежанку дранными одеялами, вставала в угол и ждала пока все проснутся, чтобы весь день пытаться угодить каждому.

Ранника молчала, боясь кого-либо обидеть. Она выслуживалась, желая получить похвалы, дергалась, если рядом с ней кто-то поднимал руку или громко говорил, а по ночам с криком вскакивала с кровати, пытаясь после этого запрятаться в темноте. Она была прилежной. Слишком. Чересчур. А ребята не знали, как себя вести.

Забота о Раннике сблизила ребят с занудой Совой. И хотя они каждый раз повторяли, что они друг другу не друзья, что их связывает только место жительства, Кастрюля не могла бросить парня, что так оберегал свою сестренку, пошел вместе с ними в далекий, не факт, что существующий, Город-22.

Шелест нарастал, от него уже закладывало уши. Воздуха

⁴⁵ Говорят, в прошлом, как раз перед Эпизодом «Упс», люди придумали роботов. Это были такие электрические люди, металлические на ощупь и немного глуповатые, которые служили человечеству, выполняя всю их работу. При этом у них не было чувств и эмоций. Или они их успешно прятали, так как другие исторические фильмы много повествовали о захвате людей роботами. Что там было, доподлинно неизвестно, но на всякий случай роботов запретили.

становилось все меньше. Вертила посадил Раннику на шею, с которой она большими глазами пыталась высмотреть своего брата. Вертила же тащил и Сэдрика, который то упирался, тормозя поиски, то куда-то срывался бежать, что-то визжа.

– Вон он, – выкрикнула Ранника, направляя Вертилу к куче тряпья, скрытой среди небольших холмиков, поросших маленькими грибокамнями.

Кастрюля бросилась за ними, запнулась, упала, поднялась, добежала до ребят, что застыли рядом со сладко посапывающим Совой.

– Нам нужно бежать, – визжал Сэдрик.

– Нам надо спрятаться. Вертила, бери Сову. Пойдемте быстрее отсюда.

Кастрюля зажала руку Ранники и пошла в сторону ближайшего холма.

– Туда нельзя! – крикнул Сэдрик, пытаясь остановить Вертилу, который перекинул Сову через плечо, не отпуская руку старика.

– Он упирается, – крикнул Вертила, пытаясь перекрыть шелест.

– Оставляй его, – ответила Кастрюля, прощупывая мох.

– Куда оставить? – взвизгнул Сэдрик, крепче цепляясь за руку Вертилы. – В холмах живут тараканы! Вы что не знаете?

Кастрюля не ответила, пытаясь найти слабое место в моховой завесе.

– Где-то должен быть вход, тараканы же как-то выходят

наружу, крикнула она застывшему Вертиле.

– А-а, – Вертила почесал затылок и с размаху ударил ногой по стене.

Пласт мха под его ногой прогнулся и пошел волной.

– Молодец, – обрадовалась Кастрюля и бросилась внутрь, затаскивая за собой Раннику.

Вертила тут же последовал за ними, все так же неся на себе Сову. Шелест немного стих, как и крики Сэдрика, доносящиеся снаружи.

– Ты уверена? – тихо спросила Ранника.

– Нет, – прошептала Кастрюля, доставая из рюкзака небольшого светляка.

Кастрюля щелкнула по брюшку, светляк лениво встрепенулся и проснулся. Брюшко пару раз мигнуло и разгорелось ярким светом, освещая тараканов красноватым цветом. Кастрюля вздрогнула, услышав тяжелый выдох Вертилы. Ранника что-то пискнула, вжимаясь в бок великана.

– Мы все умрем, – с визгом влетел Сэдрик.

– Тсс, – дружно ответили ему ребята.

Они замерли, осматривая груды туш. Тихо сопел Сова, поскуливал Сэдрик.

– Они спят, – прошептала Кастрюля. – Пойдем, осторожно и тихо.

Она махнула рукой и полезла на первого таракана, забираясь вглубь гнезда. Тараканы вздымали свои тела в унисон, словно единый организм. Они уснули разом, кто где. Неко-

торые лежали грудками друг на друге, другие кверху лапами. Их длинные усики подергивались, словно прислушивались к людям, что так нагло ворвались в их жилище, но проснуться они не могли. Тля убаюкала и их своим шелестом.

Ребята пробирались все дальше, внутрь чужого жилища. Кастрюля полагала, что где-то должна быть лестница или запертая комната, в которой можно будет спокойно переждать нашествие тли и спрятаться от тараканов.

Поскользнувшись на тергите, Кастрюля полетела вниз, в очередную кучу тараканов, напрямиком в их разъявленные рты.

По гнезду разлетелся визг, будоража спящих. Вмиг все вокруг закопошилось, защелкало, захрустело. Кастрюля, больно ударившись копчиком, приземлилась на пол, поднялась на шаткие ноги, попыталась выискать в луче света остальных. Ничего не было видно за многочисленными исполинскими тушами, тараканы шевелились. Не обращая внимания на человека, они старались уползти. Они бежали, не раскрывая глаза, лениво, но упорно передвигая лапками. Те, кто лежал на спине, безрезультатно пытались перевернуться, издавая пробирающий душу визг.

– Кастрюля! – раздался из шума крик. – Вниз!

Она осмотрелась, среди множества торопящихся, залезающих друг на друга тел никого не увидела. Кастрюля побежала, как ей казалось на звук. В темноте на нее налетел таракан, подмял своим массивным телом под себя, выбил из рук

светляка, который тут же погас. Кастрюля снова упала. Встала. Ее сбил очередной таракан, зацепил стернитом, потащил за собой. Кастрюлю телепало из стороны в сторону. Отцепившись от стернита, она снова попыталась выбраться из-под тараканов, что бессмысленно неслись подалее от прорвавшей мох тли.

Кувыркаясь с таракана на таракана, проскальзывая под их шершавыми телами, Кастрюля металась так же бессмысленно, как и они, между огромными черными телами, то и дело уворачиваясь от шипастых лап.

Что-то пнуло ее в живот, от чего Кастрюля отлетела и ударились спиной об нечто твердое. Встала на четвереньки, отдышалась и упрямо поднялась. Сделала шаг в шуршащей, визжащей, шелестящей и щелкающей темноте. Кто-то влетел в нее, снова сбивая с ног, вжимая в стену, разбивая голову.

Зияющая пустота

Сознание возвращалось, вычерчивая обрывки памяти. Вот Кастрюля кричит, зовет маму, и та приходит, чтобы погладить по голове, спеть что-то успокаивающее, рассказать нечто небывалое. Вот Кастрюля сжалась в комок, лежит в норке, глотает слезы, прислушивается к разговорам за тонким слоем земли, что скрывает ее от злого мира. Она уже знает, что мама не вернется, что плакать бесполезно, звать не имеет смысла, а кричать – опасно. Надежды нет.

Вот все и стихло. Голоса не приходят, не перерывают нору, не ищут, не кричат, не затаиваются. Пора двигаться, выбираться. Стараться выжить, как просила мама. Пытаться быть доброй, хорошей и открытой. Мама говорила, что человеку нужно сердце, что это сердце сейчас есть не у всех, что люди забыли, как быть людьми.

Но не все. И все еще можно вернуть. Если поверить. Если сделать все правильно. И Кастрюля, тогда еще не Кастрюля, все исправит, у нее получится, ведь она особенная. Она не такая, как все. Так говорила мама. Так она ошибалась. Но теперь мама не узнает, что Кастрюля стала такой же, потеряла сердце, так и не обретя его. Не стала особенной, забыла все наставления. Все. Кроме одного.

Мама всегда делала тайнички. Норку в норе, клады в туннелях, карты с красными крестами, ведущими не туда, тай-

ные знаки, говорящие не о том. Мама создавала лабиринты головоломок и учила Кастрюлю их разгадывать. С каждым днем путь до клада становился все путанее, все страннее.

Каждый вечер мама готовила Кастрюлю к тому, что ее однажды не станет, что она не сможет вернуться, и тогда Кастрюле нужно будет выйти в мир. Научиться выживать, не потеряв сердце. Найти клад, не выдав его другим. И отнести это Мистеру Черный Крафт.

– Кастрюля, – раздался голос, заставляя выплыть ее из тумана воспоминаний.

Кастрюля открыла глаза. И увидела себя. Тысячи себя. Первым порывом было закричать – Кастрюля зажала рот руками. Тысячи отражений тут же повторили ее движение. Собравшись с духом, Кастрюля со всей силы пнула глаз и подскочила, вжимаясь в стену спиной. Глаз не лопнул, не разбился и не сдвинулся с места. Медленно Кастрюля перевела взгляд на открывшийся вид.

Перед ней лежала треугольная голова таракана. Один глаз был направлен на Кастрюлю, второй – отсутствовал. Вокруг головы растекалась желтая кровь. Обогнув голову, Кастрюля вышла в центр гнезда. Везде лежали в беспорядке части тел насекомых. Тараканы, мошки, тля. Кастрюля медленно шла мимо останков, рассматривая кирпичную кладку стен, местами темнеющую провалами.

Выйдя на свет из отверстия стены, Кастрюля замерла. Вокруг, куда хватало глаз, расстилалась она – зияющая пусто-

та. Кастрюля задержала дыхание, рассматривая ржавые металлические сваи, торчащие вверх под разными углами из бетонных завалов, из кирпичных полуразрушенных зданий. Мох отсутствовал. Остался только кирпич и металл, а еще камни. И машины, вросшие в землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.